

алексей кондратенко

Свет далёких звёзд

Орёл – 2011

ББК 63.3(2)
К 64

Кондратенко А.И.

К 64 Свет далёких звёзд. – Орёл: изд-во “Вешние воды”. –
2011. – 144 с., ил.

ISBN 978-5-87295-244-2

История губернского центра Орла в XIX веке, судьбы выдающихся людей, связанные с этим исконным русским городом, – тема новой книги орловского писателя и краеведа Алексея Кондратенко.

Очерки посвящены жизни и подвижническому труду учёных, писателей, педагогов, деятелей культуры – всех тех, кто стоял у истоков русской интеллигенции. Провинциальные ломоносовы или знаменитости с мировым именем, они трудились на благо России, её просвещения и развития, а потому заслуживают доброй памяти потомков.

Автор книги по итогам 2010 года удостоен премии журнала Союза писателей России “Наш современник” имени профессора А.Г. Кузьмина в номинации “Молодые историки и публицисты”.

Издание, выходящее в свет в преддверии 450-летия города Орла, адресовано учащимся школ и вузов, преподавателям, знатокам и любителям краеведения.

ББК 84(2p)6

© А. Кондратенко, 2011.

© Издательство “Вешние воды”, 2011.

© Макет-оригинал “Агентство печати
литературы “АПЛИТ”, 2011.

Орловский уроженец

Орловский уроженец

Его дед пришёл в Орёл неведомо откуда с единственной в кармане серебряной монетой в 15 копеек. Пришёл совсем как Остап Бендер, полный честолюбивых замыслов и любви к жизни. Он не случайно шагал именно в Орёл. Хлебный город на Оке монаршей волей получил статус губернского, и теперь всякий деловой человек тянулся сюда в расчете добиться успеха, сделать карьеру и найти достаток. Впрочем, едва устроившись на службу, он – тогда еще совсем молодой человек – предложил руку и сердце Анне Лукашевич – дочери своего начальника. Начальник был вне себя от такого дерзкого предложения. Но это не остановило молодого пришельца. Он тайно увез невесту и обвенчался с нею.

Так появилась в Орле чета Грановских...

Город рос, здесь расширялась хлебная торговля, были размечены торговые площади и открылась первая больница, строились новые храмы и здания Главного народного училища и Городской думы. Народ богател, заменяя деревянные дома каменными. И дед Грановского, Тимофей Ефимович, войдя в круговорот этой жизни, сумел найти доходное место. Он был умелым ходатаем в судах по гражданским делам и, дослужившись до чина коллежского асессора (что в табели о рангах соответствовало званию майора), сколотил немалое состояние, построил добротный дом в центре города, купил имение Погорелец с двумя сотнями крепостных неподалеку от Орла.

Любопытно, что, например, с 1785 по 1791 год председателем палаты гражданского суда в Орле являлся отставной майор Петр Алексеевич Ермолов – отец знаменитого в будущем генерала Алексея Ермолова. У постоянно имевшего дело с Ермоловым-старшим Грановского сын Николай, напротив, не был увлечен военной службой, а делал гражданскую карьеру и вскоре занял должность советника Орловского соляного управления. Женой Николая была Анна Чарныш – дочь богатого малороссийского помещика.

Их первенец родился весной 1813 года, в смутную пору Отечественной войны. Можно сказать, что война была тем главным событием эпохи, которое определило весь строй жизни, окружавшей младенца с его рождения... Орёл в 1812 году был куда более многолюдным, чем за всю свою историю. Многие семейства из других краев и весей, спасаясь от гибели, нашли в Орле своё временное, а для кого-то

и постоянное пристанище. Здесь были развернуты госпитали для раненых русских воинов, сюда в зиму приводили колонны пленных, чтобы, одев их в синие рекрутские мундиры, сформировать иностранный легион.

Конечно, маленький Тима ничего этого видеть и запомнить не мог. Но он вырос среди участников и очевидцев тех событий и, по сути, сам стал их очевидцем. Ему было всего полтора года, когда деду, как старшему в роду Грановских, вручили бронзовую медаль в память о 1812 году... Многие годы спустя Грановский вспоминал о той поре: “В Орёл привезено было много пленных французов, большей частью раненых, в самом жалком состоянии. Одна бедная орловская мещанка, повивальная бабка, увидев этих несчастных, испросила позволение взять некоторых себе в дом и, выбрав пять человек, больше всех нуждавшихся в помощи, принялась ходить за ними и снабжать их всем необходимым. Истратив все до последнего рубля, она стала обходить город нищей и полученными подаяниями продолжала их содержать. Когда их с другими пленными отправили дальше, она разбила всю посуду, которой они пользовались”.

Город был соткан из противоречий. Его обыватели поражали приезжих своим сердоболием и в то же время ненавидели “нехристей”. Но, конечно же, пока город жил своей замысловатой жизнью, для Грановских все остальное затмило рождение первенца.

Мальчика назвали в честь деда Тимофеем – он был любимцем деда. В день крестин Тимы дед весьма кстати выиграл огромную сумму в 15 тысяч рублей. Собрав деньги, он понес их внуку в подарок. Но в детской комнате утомленная бескрайним вниманием старика мать сделала вид, что спит. Дед не решился беспокоить их и на цыпочках вышел из комнаты. В тот же вечер деньги были вчистую проиграны за карточным столом.

Едва внук подрос, едва его оторвали от груди кормилицы, дед забрал Тиму в свою комнату. Старик и малыш были неразлучны. Именно в дедовских апартаментах мальчик по расклеенным на стене страницам газет учился читать...

Старый Грановский, давно овдовев, был женат во второй раз. Ходили слухи, что молодая жена ревновала его и не могла найти средства, чтобы погасить свою ревность. Однажды, уехав по делам в Орёл из пригородного имения Погорелец, где оставалась семья, дед не вернулся к назначенному сроку. Встревоженные домочадцы вскоре были повержены известием о том, что старик Грановский в умопомрачении, что он и вовсе сошёл с ума. Загадочным образом пропали и деньги, которые были при нем для покупки имения с тысячей крепостных душ... Родственники и многие годы спустя виновной во всем считали жену Грановского, которая будто бы отравила старика приворотным зельем...

Увы, подобные истории были обыденностью в те годы на Орловщине. В 1811 году, например, малоархангельская помещица Фиона Челюскина жаловалась в суд на дворовую девку Кириану Тимофееву, творившую порчу. В 1813 году в Дмитровске солдатская жена Анна Иванова призналась, что для усмирения своего буйного помещика Ивана Толбузина обрызгивала ему постель наговоренной водой и клала под подушку щепки от старого гроба. И даже в 1849 году в селе Опальково Кромского уезда двадцать три крестьянки обвиняли трех своих односельчанок в колдовстве, которое привело к всеобщим болезням...

ОТРОЧЕСТВО

Безнадежно захворавшего деда привезли подальше от глаз людских в Погорелец и поселили в маленьком флигеле. Так началась невидимая миру война между ним (он не хотел никого видеть) и его родными. Старик принялся за составление грандиозного проекта преобразования судебных учреждений в России. Вдобавок к тому он постоянно выносил грозные вердикты, касавшиеся большинства представителей тогдашней орловской бюрократии: такого-то чиновника сослать, такого-то высечь. И лишь только внук по-прежнему пользовался благосклонностью старика. Напроказив, он прятался у деда, порой даже на несколько дней. А шалостей, и далеко не самых безобидных, было немало, и они были как будто слепленным детской рукой подобием взрослых утех.

Сама жизнь – жестокая, на изломе – подталкивала дворянского отпрыска к чему-то безжалостному и грубому. Ему нравились самодельные куклы, которыми играла дочь служанки. И он мечтал заполучить кукол непременно себе, когда девочка умрет, – а в этом Тима не сомневался, видя, с какой яростью мать колотит дочь за малейшие провинности.

Или во время мальчишеской игры крепостной сверстник отдернул лестницу, по которой взбирался барчук. Слава Богу, всё обошлось, но Тима за своё молчание заставил выполнять обидчика все свои желания.

Его путешествие с дедом, которого возили для лечения водами на Кавказ, завершилось тем, что шестилетний Тима начал бредить приключениями и сражениями с горцами.

Пересказывая услышанное на Кавказе или напропалую фантазируя, он неизменно хватался цепкой рукой за подаренный Бог весть кем кинжал!

Городские обыватели в Орле в ту пору запросто выезжали “на большие дороги для разбоя и в поле для кражи лошадей”. Несмотря на самые жестокие и бесчеловечные наказания, в городе находили для себя благодатную почву и жульничество, и самое откровенное распутство. Довершая самобытную картину извечного уклада местной жизни, по улицам Орла бродили свиньи и коровы. Новый губернатор Николай Шредер принялся мостить мостовые и делать тротуары, запретив скотопрогулки. Был заложен городской сад. В Орле в эти годы начинается издание книг, открывается духовная семинария, сюда после десятилетий проволочек наконец-то переезжает из Севска архиерей.

Что-то стало меняться в Орле. Сам город был похож на подростка, вступающего в новую полосу своего бытия. И город, и отрок Грановский переживали непростые времена.

Тима был худ, бледен, задумчив, особенно после смерти деда, когда внуку едва минуло девять лет. Душа мальчика не знала покоя. Игры в индейцев, петушинные бои, строительство и штурм крепостей, ловля голубей – словом, все самое рискованное казалось ему самым интересным. Благо, Тима уже научился читать. И матери потребовалось немало сил, чтобы направить энергию сына в более-менее спокойное русло. В то время в Орле были только две приличные библиотеки – у Каменских и у Пушкаревых. Мать платила их слугам за каждую принесенную тайком книгу.

Юный Грановский не почтил своим присутствием губернскую гимназию: ныне мы не видим его имени на мемориальной доске у входа в здание. Академическая наука в то время вообще была не в особой чести у орловских обывателей. В 20-е годы позапрошлого века в городе насчитывалось до двадцати частных школ на 10–15 учеников в каждой. Учили здесь чтению, письму, Закону Божьему и

основам арифметики – вполне подходящий набор для детей купцов и мещан. Правда, частные школы были вскоре упразднены, их роль взяли на себя народные училища...

Любовь к книгам никак не переросла у Тимы в любовь к учению. В духе своих сельских приключений он однажды предложил младшему брату Николаю верный способ избежать уроков. Для этого они мужественно выпили по стакану воды, смешанной с мухами. Стало ясно, что домашнее обучение до добра не доведет...

Потом были два года в московском пансионе Кистера. Два странных года, когда необычные способности Грановского уже стали заметны окружающим, но когда он так еще и не прикоснулся к настоящей науке. По иронии судьбы, историю здесь преподавал профессор Бекетов, по большей части занимавшийся в классе пустопорожней болтовней о разных происшествиях, ведь в числе учеников был сын местного частного пристава. А еще Бекетов любил колотить школяров костью указкой... Вот и вся всемирная история.

Пятнадцатилетний Грановский приехал домой на каникулы. Но дома, похоже, никого не интересовали его успехи или неуспехи. Тем более что отцу был недосуг платить за его дальнейшее обучение. И каникулы растянулись на целых три года. А разве эта история не была типичной для провинциальных подростков? Спустя два десятка лет в Орле отыскался еще один такой “двоечник” – Вася Сергеевич (это не отчество, а фамилия). Он был с треском изгнан из только что открывшегося в городе кадетского корпуса, пару лет болтался без дела на домашних харчах. А потом все-таки поехал учиться, да так учился, что стал профессором-юристом, а затем и ректором Петербургского университета...

ДВОРЯНСКИЙ НЕДОРОСЛЬ

На этот период в жизни Грановского биографы обычно не обращают внимания. Пишут просто: окончив частный пансион, поступил в Петербургский университет на философско-юридический факультет. А все же чем были эти три орловских года в его судьбе? Чем занимался юный недоросль Грановский столь долгое время? Большею частью охотой – излазил с ружьем и собакой окрестности Погорельца. Однажды зимой он нашёл в доме учебник геометрии и проштудировал его от безделья. А в Орле не пропустил ни одного бала, возвращаясь домой под утро.

Когда мать поехала на Украину в Нежин улаживать какие-то дела вокруг наследства, старший сын, естественно, отправился вместе с ней. Здесь, в доме тетки, он познакомился с юной гувернанткой ее детей мадемуазель Герито. Тимофей оказался галантным кавалером: когда ему пришлось в голову угостить даму конфетами, он вспомнил, что не имеет наличными ни копейки, и тут же продал подвернувшегося еврею свои отличные золотые часы за 15 рублей. Конфеты были куплены...

Итак, мадемуазель Герито (которая вскоре переехала в Орёл и стала наставницей сестер Грановского), его собственные наставники – выпускник Нежинского лицея Колышкевич и обрусевший француз Жонье – вот круг общения юного Грановского в те три года. С Герито он переписывался, поверяя ей многое открывавшееся его юному взгляду. Француз, неведомо как попавший в русское захолустье, рассказывал ему о далекой неведомой Европе и о Великой французской революции. А Колышкевич рассуждал о том,

какой может стать в скором будущем Россия. Похоже, именно тогда в сознание Грановского было заронено что-то не совсем обычное для сонма пустых идей и идеек, витавших в кругу провинциального дворянства.

Но тут о сыне вспомнил отец, львиную долю своего времени, как и большинство орловских обывателей, посвящавший картам и откровенному безделью. Похоже, его стали донимать пересуды соседей, сплетничавших насчет нигде не пристроенного сына. Отец решил, что ради будущей карьеры Тимофею лучше перебраться в столицу и там устроиться на какую-либо должность. Начались сборы...

Не так уж и плохи были эти три миновавших года в судьбе Грановского. Но сам он потом вспоминал их почти как ссылку. Странная аналогия: реальная ссылка в 1852 году Ивана Тургенева в Спасское-Лутовиново, его охотничьи походы...

Уезжал Грановский в Петербург с легкой душой: манило новое, другое, незнакомое. Мне кажется, очень верно выразил это чувство в своём стихотворении ровесник Грановского Николай Огарев, судьба которого удивительно похожа – тот же помещичий быт, семейный деспотизм, смерть близких...

*Вся скука городская
Приходит мне на ум,
И как гнетет здесь душу
Забот вседневных шум.*

*Скорей! насквозь чрез город,
Ямщик, скачи же ты:
Там – снова бесконечность
И вольный мир мечты.*

Отъезд юного Грановского из Орла состоялся в январе 1831 года. На пути его встретил знаменитый карантин по случаю холеры – пришлось остановиться в Твери. Ее жители были в ужасе перед эпидемией, и вполне возможно, что надолго застрявший в незнакомом городе Грановский мог стать не только очевидцем сцен, подобной описанной, но и даже самим пострадавшим:

“Огромная толпа с шумом и криком вела двух несчастных проезжающих, награждая их пинками и подзатыльниками, вдоль Миллионной улицы от Осьмиугольной площади к полиции. В толпе кричали: “Это отравители! Они холеру разносят!” Их взяли где-то близ Смоленской кладбищенской церкви, около колодца. Они пошли смотреть город и случайно остановились около колодца. Этого довольно было для того, чтобы признать отравителями и разносителями холеры. Быстро собралась толпа, схватила несчастных и...”

Но прервем здесь повествования очевидца тверских событий. Теперь-то становится понятным, почему Грановский во время карантина, вынужденный не выходить из гостиницы, пристрастился к карточной игре. Его партнером стал попутчик и друг по несчастью – отставной офицер. Ему и проиграл Грановский все взятые в дорогу деньги, включая даже подаренную матерью коллекцию старинных монет. Спасибо великодушный купчина дал займы, иначе доехать до столицы было бы уже не на что.

В Петербурге Грановского ждала новая беда – через считанные дни после его приезда умерла тетушка, у

которой он поселился. С помощью столичного приятеля Грановский (“провинциальный медведь”) все же устроился в Министерство иностранных дел. А через пять месяцев написал письмо домой: просил разрешения у родителей поступить в университет. Отец был против, но мать подержала сына. Он начал готовиться к учебе (“Мы судорожно рвались на свет” – так будет написано им на закате дней). В июле мать умерла...

Денег не было, жить было не на что. Гришка – привезенный из Орла слуга – настолько “освоился” в столице, что носил барское белье и платье, не стесняясь, таскал последние гроши и пьянствовал. Грановский, выйдя из себя, отослал его домой. Экономил, перебиваясь с хлеба на воду, тем, что в пансионе обычно отказывался от обеда, будто бы уже получил приглашение на обед к знакомым.

Годы учебы до предела обострили отношения с отцом. Николай Тимофеевич, после смерти жены забросивший имение и вообще всякое хозяйствование, посылал сыну мизерные суммы, да и те весьма редко. Дом – во всех его значениях – разрушался.

У Грановского сердце разрывалось, когда он думал о судьбе сестер, оставшихся с безвольным отцом. Отец просиживал дни напролет за карточным столом, и заставлял дочерей вечерами и даже ночами вести с ним карточную игру... А в минуту нахлынувшей доброты он начинал подыскивать им женихов из местных щеголей. Тимофею приходилось буквально спасать сестер от такого замужества...

Ссоры, раздоры... “Если бы я мог купить твоё счастье ценою своего собственного, я благодарил бы судьбу”, – писал он сестре.

А вот из другого письма: “Волосы дыбом становятся, когда подумаю, сколько денег нужно мне”. Едва ли не единственной его пищей был чай – тут он мог сравниться по количеству выпитого разве что с добропорядочными и хлебосольными орловскими купцами. Тургенев,

почему-то никогда не упоминавший о своём землячестве с Грановским, вспоминал о знакомстве с ним в ту пору:

“Он не занимался исключительно историей; он даже писал тогда стихи (кто их не писал в молодости?), и я смутно помню отрывок из драмы “Фауст”, прочитанной мне им в один темный зимний вечер, в большой и пустой его комнате, за шатким столиком, на котором, вместо всякого угощения, стоял графин воды и банка варенья”.

Грановскому долго не удавалось собрать несколько рублей на покупку очков: нужда и чрезмерные занятия (у него вошло в привычку работать с книгами по ночам, при тусклом свете) уже стали сказываться на здоровье. Он был на грани истощения. То желал скорейшей войны, чтобы пойти добровольцем и погибнуть. То писал: “Я вижу столько глупых плутов, достигших высокого положения, что часто у меня появляется желание или сделаться негодяем, или застрелиться”.

Из состояния безысходности Грановского вывел шок: в газете случайно увидел объявление о продаже имения Погорелец за неуплату долга. Он сразу же бросился в Орёл добиваться отсрочки... И добился: кажется, у молодого Грановского появлялась деловая хватка – дедовская черта.

Занимаясь хлопотами по поводу отсрочки, он побывал в семействе Ананьевских, соседей Грановских. Здесь встретился с юной Надеждой Васильевной, Наденькой. Уезжая через несколько дней из Орла, он понял, что влюблен...

НАДЕЖДА

В биографических исследованиях прошлого века о Грановском имя его орловской возлюбленной было зашифровано и обозначалось двумя буквами (Н.В.) либо тремя (Е.П.В.). Делалось это, конечно же, из этических соображений: героини многих событий были тогда ещё живы, и откровенные повествования могли получить нежелательное истолкование в маленьком городе... В старину не принято было выставлять свои чувства напоказ. Благодаря орловской исследовательнице старины Лидии Валентиновне Ивановой мы знаем теперь подлинное имя девушки, прежде известное нам только инициалами.

... Уже совсем скоро Тимофей признался в любви Наденьке. И тут же, узнав, что у него есть соперник, потребовал от возлюбленной сделать выбор в пользу кого-то одного. Она ответила, что ей симпатичнее Грановский. И окрылённый студент едет к отвергнутому орловцу, чтобы сообщить о решении Надежды. Бурный разговор закончился приглашением Грановского на дуэль... Загородная перестрелка не состоялась лишь благодаря вмешательству общих знакомых.

Но встреч с возлюбленной было не много. Были письма. И были мучительные месяцы молчания. Грановский был романтик. Наденька была обыкновенная девушка из провинциального города, хотя и обретшего несколько десятилетий назад статус губернского центра. Ее отец, раз узнав, куда движется дело, стал активным сторонником выгодного брака. Словом, оканчивающего университет

Грановского уже ждали в Орле. Ждали, как подающего надежды образованного чиновника, как помещика, способного наладить дело в своём приходящем в упадок имении.

А он бежал из Орла, из типично русского города, где всюду видел только интрижки, карты, сплетни. И это напряжение на разных полюсах переписки рождало ревность, подозрения. Грановский писал своей сестре о Надежде: “Когда я обращался к ней с чистосердечными словами, она отвечала выдумками об опасностях, угрожающих ей, если отец ее узнает о нашей переписке. Как будто он не знает о ней! К чему эта мелочность? Она унижает женщину”.

И однажды Грановский сжёг все её письма. В этом романе было много максимализма, наивности и в то же время наигранности. Час выбора наступил, когда Грановскому предложили отправиться на стажировку в Германию, чтобы после этого занять кафедру истории в Московском университете. Еще не решив ничего окончательно, он едет в Орёл. И вот после разлуки в полтора года встреча с Надеждой.

Что стоило этой девушке сказать решительное “нет” в ответ на вопрос Грановского? Ведь она рисковала и не дожидаться его и встретить уже совсем другим человеком после долгой разлуки. А скорая свадьба, напротив, дала бы ей тотчас мужа – помещика, чиновника какого-нибудь орловского или московского ведомства (в то время Грановский был одним из секретарей гидрографического департамента при Морском министерстве).

Но Надя (какие чувства были в ее душе?) ответила только:

– Поезжайте...

Влюбленные условились, что переписку вести не будут, чтобы не поднимать в губернском Орле новую волну пересудов. И избрали посредницу в своём общении – хорошую знакомую Марию Спицыну. Увы, им не повезло.

Маша, скучая в глуши, принялась забавляться тем, что настраивала Надежду против Грановского, Грановского против Надежды. Ревность, задетое самолюбие... Переписка оборвалась, наступили годы отчуждения.

Целая эпоха миновала в жизни Грановского. Он получил профессорское звание, но здоровье пошатнулось окончательно. Махнув рукой на врачей, Грановский срывается в Россию. Без отдыха проскакал от Варшавы до Погорельца, чтобы хотя бы месяц побыть дома.

К Надежде Ананьевской он даже не пытался пойти. И уже возвращаясь в Москву, когда остановился в Орле на день или два... Помните стихотворение все того же Николая Огарева:

*В моей комнатке тихо...
Сквозь решетки окна
Светом бледно-тревожным
Проникает луна.*

*В моей комнатке тихо...
Потухает камин,
Скорбно теплится свечка,
И сижу я один.*

Вечером Грановский стоял на пороге своего дома и увидел в сумерках экипаж, а в нем двух женщин. Одна из них... Но была ли это Надежда? В том же квартале города, где стоял дом Грановских, жила её тетушка – Екатерина Алексеевна Ананьевская. У неё часто гостила, а возможно, и временами жила Надежда...

Спустя короткое время экипаж проехал обратно. И он уже без сомнения узнал Надежду. Грановский написал ей письмо. Весь ужас нелепой интриги открылся обоим. Надежда написала ему ответное письмо о том, что его послание утешило ее во многом. “Она бесконечно выше меня”, – признавался Грановский другу в те дни.

РАЗВЯЗКА ДРАМЫ

Грановский, вернувшийся из Германии, был типичным представителем “западников”. Известный критик и литературовед Н.Н. Страхов писал о западниках, будто вынося им приговор:

“Эти верхоглядые, жившие зря, люди беспутного житья, неспособные ни к какому реальному усилию, немощные и унылые, считали себя, однако же, вправе осыпать укоризнами своё отечество, для которого они были чужими”.

Удивительно, но Страхов верно схватил суть противоречия этих “лишних людей” и их сурового отечества. Схватил суть, но не почувствовал глубины всей драмы, всей трагедии этого безнадежного конфликта... Ведь и эти “лишние люди” по-своему любили родину, хотели хоть чем-то быть полезными ей, но не могли применить свои силы, не могли оставаться в той среде, где прошли их детские и юношеские годы. Они “выпали из гнезда” и в отчаянии искали приюта и милосердия.

В Москве Грановский женился на Луизе Мюльгаузен, и это был счастливый союз. Но время безжалостно. Студентам, благоговевшим перед ним, сорокалетний Грановский предстал уже толстым человеком с грузной походкой, одышкой и огромной лысиной. Всем смыслом исторических изысканий и выводов этого уже известного не только в России, но и в Европе ученого стала простейшая формула: “Прогресс заключается в нравственном самосовершенствовании”.

Орловская знакомая, которая посеяла вражду между Грановским и Надеждой Ананьевской, постриглась в монахини Севского Троицкого монастыря. Здесь, на пути из

Москвы в Малороссию, Грановский однажды увидел Марию Спицыну в монашеском одеянии. Это была странная встреча. Они даже зашли на какое-то время в ее маленькую келью: Грановскому было и жаль эту рано постаревшую женщину, и неутешная обида разрывала его душу...

Он никогда больше не видел Наденьки, но все годы следил за ее судьбой. Надежда не вышла замуж и умерла в 1854 году, всего за год до смерти Грановского. Западник и либерал, он, в отличие от Белинского и Герцена, все-таки верил в бессмертие души. Верил, как истый провинциал, как верили все его предки и домочадцы. И без этой веры как бы он мог жить, перенося один удар судьбы за другим?

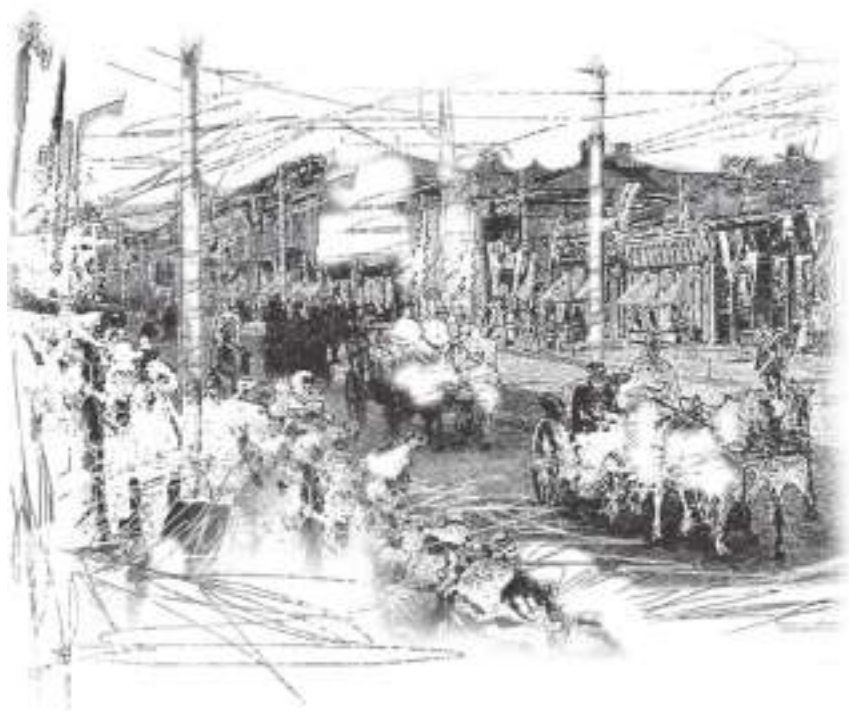
Старшая сестра умерла от чахотки летом 1842 года, а вскоре умерли вторая сестра и брат. Оставшийся в одиночестве, отец вынужден был продать с аукциона имение под Орлом и перебраться к сыну в Москву. Старик окончательно одряхлел, и кто бы мог теперь упрекнуть его в том, что он своей беззаботностью погубил здоровье сына, отравил ему жизнь.

Отец привёз деньги, вырученные от продажи имения. Но, когда в доме Грановских все одновременно занедужили, деньги исчезли... Знать, это было написано у Грановских на роду, с того самого дня, как дед принес внуку выигранные пятнадцать тысяч рублей.

Старик умер в 1847 году. Сын пережил его всего на восемь лет. Орёл, сильно изменивший свой облик после грандиозного пожара 1848 года, по-прежнему сопровождал Грановского до конца дней:

“Все эти улицы, все дома, даже все эти лица напоминают мне иное время, которое я желал бы забыть... Не знаю, право, как создано мое сердце, но оно не забывает никогда ничего... Я помню дни и печали моего детства, как будто они миновали только вчера...”

Милейшие труженики

Ещё совсем недавно известных деятелей культуры, просвещения и журналистики российской провинции братьев Тарачковых можно было отнести к разряду забытых людей. Даже в дни 150-летия со дня рождения видного ученого, преподавателя Орловского Бахтина кадетского корпуса Александра Степановича Тарачкова (1819–1870) областная газета “Орловская правда” посвятила юбилюру всего 47 строк под дежурным заголовком “Энтузиаст краеведения”. В заметке были просто перечислены биографические данные А.С. Тарачкова, должности его гражданской службы, выборочно – издания, в которых публиковались его научные труды... 47 строк и вся жизнь.

А ведь об этом человеке спустя полвека после смерти совершенно искренне говорили: “своего рода Ломоносов для нашего края во всех областях местного исследования”. Однако местным Ломоносовым был не только Александр Тарачков, но и его младший брат Николай, оставивший след в воронежской истории... А вообще их было трое: Александр, Николай и Андрей (о последнем разыскано пока крайне мало сведений, он был в Орле врачом кадетского корпуса). Александр родился в 1819 году, Николай был на три года младше. Небольшая разница в возрасте, вероятно, определила сходство интересов и целей в жизни. Еще в детстве братья подолгу “странствовали” по окрестностям родного уездного городка Могилева на Украине: выискивали на берегах Днестра то диковинные растения, то необыкновенные камни.

Окончив гимназию, Александр и Николай поступили в Московский университет, который, по словам В. Белинского, привлекал молодежь из всех концов страны. Как говорили о столице уже в начале XIX века, “Москву можно уподобить республике по образу жизни, мнениям и свободе”. Город был средоточием нарождавшихся в России сил и талантов, здесь в бесконечном общении, в интересе к просвещению и науке возрастала русская интеллигенция.

Учителями Тарачковых стали совсем молодые тогда преподаватели, а впоследствии ученые с мировым именем К.Ф. Рулье, Г.Е. Щуровский, М.Ф. Спасский. Например, Рулье стал одним из основоположников палеоэкологии, основателем первой научной школы зоологов-эволюционистов. Щуровский был избран первым президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Уроженец Ливенского уезда и выпускник Орловской духовной семинарии М.Ф. Спасский первым поставил вопрос о прогнозировании погоды, был автором первой монографии о климате Москвы.

Намного старше молодых преподавателей был профессор Дмитрий Матвеевич Перевошиков, который еще в 1820–1830-е годы выпустил в свет “Ручную математическую энциклопедию” в 13-ти томах. По его инициативе и под его руководством в начале 1830-х была построена университетская обсерватория.

Попав в уникальную атмосферу научного поиска, они показали себя отличными студентами. Например, на третьем курсе Николай был удостоен серебряной медали за работу “О взаимном отношении между организацией животных и окружающими их наружными условиями”.

Возможно, братьев ждало блестящее будущее в столице. Но, видимо, скромный достаток, отсутствие связей в верхах не позволяли им надеяться на продолжение учебы за границей и скорое занятие профессорских кафедр. Остаться же в Москве и быть на вторых ролях...

Недаром В. Белинский восклицал в одном из очерков 1844 года: “Что бы ни делали молодые люди, оставляющие Москву... – они делают; москвичи же ограничиваются только беседами и спорами... решительно бесплодными”.

Судьба неотвратимо вела подающих надежды выпускников университета в провинцию. Тот же Белинский называл “оазисами” появившиеся тогда в губернских городах микросообщества интеллигенции: “В ином городе такой оазис состоит из пяти, в ином из двух, в ином и из одной только души, а в некоторых городах и совсем нет таких оазисов – все чистый песок или чистый чернозём, поросший бурьяном и крапивою”.

Судьба развела братьев: по решению царя Николая I в России расширялась сеть военно-учебных заведений, в провинции резко возрос спрос на квалифицированных преподавателей. Старший – Александр – вскоре занял должность наставника-наблюдателя и преподавателя естественной истории и физики открывшегося в 1843 году Орловского Бахтина кадетского корпуса (по совместительству он был и первым библиотекарем кадетского корпуса). Как указывается в “Кратком историческом очерке военно-учебных заведений” (М., 1910), “учитель естественной истории действительный студент Московского университета Тарачков служил перед тем два года в Павловском кадетском корпусе”.

Петербургская “команда” оказалась довольно многочисленной. Так, из Павловского корпуса был переведён в Орёл учитель русского языка коллежский секретарь Воробьев. Немецкий язык было поручено преподавать Миквицу – выпускнику Дерптского университета, прежде преподавателю Главного педагогического института в Петербурге. Учителем рисования был “свободный художник” Александров, окончивший Академию художеств и в течение пяти лет преподававший в 3-й Петербургской гимназии, помощником учителя фехтования – Горнилиус, имевший опыт 18-летней аналогичной службы в Пажеском корпусе.

Уже один этот далеко не полный перечень показывает, что открытие кадетских корпусов в Орле, а затем и в Воронеже привлекло в губернские, чисто дворянские и купеческие города плеяду неординарных людей. Требовались весьма солидные рекомендации – учебного округа или Генерального штаба, – чтобы попасть в штат преподавателей корпуса.

Кстати, рискну высказать версию, что младший брат по окончании Московского университета не случайно оказался в Воронежском Михайловском кадетском корпусе. И, возможно, даже не рекомендация попечителя Московского учебного округа сыграла здесь решающую роль. Дело в том, что комплектованием штата в Воронеже занимался подполковник Виктор Андреевич Половцев, который служил прежде в Павловском кадетском корпусе, а затем в Орловском Бахтина кадетском корпусе инспектором классов. Половцев был не только хорошим офицером-служакой, но и автором “Краткого учебника русского языка и грамматики для русских”, который многократно переиздавался.

Коллега Тарачкова-старшего по Петербургу и Орлу, он мог пригласить в Воронеж Николая. Это общее знакомство тем более было как нельзя кстати, ибо Половцев оказался душой общества молодых преподавателей в Воронеже.

Разлука положила начало необыкновенному соревнованию молодых выпускников Московского университета. Александр Тарачков, приехав в Орёл, сразу же занялся составлением каталога растений местной флоры. На первых порах он делал это в сотрудничестве с местным естествоиспытателем Фердинандом Поганко. Два их имени значатся на каталоге первых трехсот орловских растений. Последующие две сотни принадлежали уже только одному А. Тарачкову, который попутно собирает материал для топографического и исторического очерка Орловской губернии,

начинает (впервые в Орле!) собирать сведения о животных. Еще несколько десятилетий прежде эти территории считались малоисследованной провинцией – ученые бывали здесь наездами, как, например, академик Василий Зуев, путешествовавший в 1781 году по Орловщине с рисовальщиком и стрелком “для стреляния зверей и птиц”.

К тому же Александр еще и один из первых орловских журналистов – он был редактором неофициальной части “Орловских губернских ведомостей”. Тарачков опубликовал в этой газете 25 крупных авторских материалов (с учетом печати статей с продолжением в разных номерах получилось более 85 публикаций). Несмотря на чрезмерную регламентацию содержания и строгие цензурные ограничения, газета не осталась в истории сугубо официальным изданием. “Губернские ведомости” не только публиковали директивные документы, но и старались отражать разнообразную жизнь губернии.

А.С. Тарачков сделал тему краеведения (в самом широком смысле) одной из ведущих, что явно выделяло “Орловские губернские ведомости” среди других провинциальных изданий России. Даже его однокашник по Московскому университету известный русский фольклорист Павел Якушкин оценил эту черту “писателя по естествознанию и статистике” Александра Степановича: “Я знаю только одного путешественника по России, приготовленного к своим работам, – г. Тарачкова, учителя естественных наук Орловского кадетского корпуса, ездившего по средней полосе России, писавшего в “Орловских губернских ведомостях” и издававшего впоследствии свои заметки в Орле”.

Зарождающаяся провинциальная журналистика того времени формировала особую интеллектуальную среду, продуктом которой был журналист, имевший право называть себя ученым. В объявлении об издании “Орловских губернских ведомостей” на 1864 год подчеркивалось,

что в состав “неофициальной части войдут статьи, относящиеся до местности, именно: материалы, содержащие в себе сведения географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и пр.”

“Губернские ведомости” стали первой настоящей школой местного краеведения, они объединили на своих страницах усилия по изучению родного края живших в губернии этнографов, ученых-естествоиспытателей, чиновников-энтузиастов, преподавателей учебных заведений. Среди авторов официозной губернской газеты был и поэт Алексей Апухтин, служивший в 1863–1864 годах старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе. 18 апреля 1865 года в “Орловских губернских ведомостях” было напечатано изложение прочитанных Апухтиным в Орле в марте того года лекций “О жизни и сочинениях А.С. Пушкина”. Это был редчайший случай участия официального органа в текущей литературной полемике.

Можно привести в пример содержание “Орловских губернских ведомостей” за 1860 год. Газета из номера в номер публиковала отчеты о работе возглавляемого А. Тарачковым Орловского отдела комитета акклиматизации животных и растений, статьи о породах домашних животных, о рыбах, обитающих в местных водоемах, о картофеле, о клевере, о природном явлении северного сияния, о хлебной промышленности города Орла, о народном говоре Орловской губернии (автор – профессор духовной семинарии В.И. Попов), большой, насыщенный богатым материалом и серьезными размышлениями очерк Артемьева о городе Ливны и Ливенском уезде, статью “воспитанника семинарии” И. Успенского о свадебных обычаях поселян Брянского уезда и т. д. Почти в каждом номере публиковались библиографические сообщения – обычно полурекламные развернутые анонсы содержания столичных журналов. Был опубликован ряд присланных в редакцию из столиц материалов, касающихся нового в общественном устройстве.

А. Тарачков публиковал в губернской периодике результаты своих научных исследований. Здесь же мы находим нередкие упоминания о деятельности А. Тарачкова. Например, в одном из номеров “Орловских губернских ведомостей” в феврале 1860 года была опубликована следующая информация:

“Публичные лекции физики и химии. С разрешения высшего начальства господин наставник-наблюдатель Орловского Бахтина кадетского корпуса А.С. Тарачков и господин старший учитель Орловской губернской гимназии И.И. Азаркевич будут читать публичные лекции физики и химии, которые начнутся с первой недели Великого поста, в зале собрания кадетского корпуса. При чтении их будут показываемы опыты посредством снарядов и машин, принадлежащих физическому кабинету и физической лаборатории кадетского корпуса.

Лекции физики будет читать г. Тарачков по средам в течение шести недель Великого поста по следующей программе: Магнетизм, Электричество, Гальванизм”.

Спустя несколько месяцев он публикует в газете “Московские ведомости” статью о наблюдавшемся в Орле северном сиянии. Под редакцией А. Тарачкова вышла первая “Памятная книжка Орловской губернии” (1860). После двадцати лет службы в кадетском корпусе в 1862 году он решил полностью сосредоточить свои усилия на обязанностях секретаря губернского статистического комитета (фактически его руководителя – номинально председателем комитета являлся губернатор). Статистический комитет под руководством А. Тарачкова объединял орловскую интеллектуальную элиту того времени. Достаточно назвать имена таких его членов, как поэт Алексей Апухтин, служивший в 1863–1864 годах старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе; граф Пётр Гейден – будущий президент Вольного экономического общества, хрестоматийно известный по ленинской статье;

врач И.В. Павлов, соученик Салтыкова-Щедрина по Царскосельскому лицей, один из прообразов Базарова в романе “Отцы и дети”; помещик Карачевского уезда Н.В. Киреевский; автор книги “Материалы для истории и статистики г. Ельца” Н.А. Ридингер....

И всё-таки необходимо признать, что в негласном соревновании братьев воронежец Николай получил хорошую фору. Воронеж в те годы вырвался вперед в своём развитии. Здесь раньше, чем в других губернских центрах сформировались кружки интеллигенции, начали выходить ежегодные “Памятные книжки”, появились частные периодические издания... Истоки многих начинаний коренились в только что открывшемся кадетском корпусе, имена его преподавателей вошли в историю: М.Ф. Де-Пуле, П.В. Малыгин, С.П. Павлов, А.А. Хованский.

Например, М.Ф. Де-Пуле вспоминал о первом директоре кадетского корпуса А.Д. Винтулове (“воспитанный на либеральных идеях декабристов”, в юности он был одноклассником К.Рылеева по кадетскому корпусу, а впоследствии дослужился до чина генерал-майора): “Этот странный человек любил и не скрывал своей симпатии ко всему даровитому, молодому и идеальному, трудящемуся. Принимая таких людей на учительские должности, Винтулов приближал их к себе, хотя это приближение никогда не переходило в панибратство. Но раз приглашённый в таинственный кабинет, имел уже в него доступ... мог пользоваться его библиотекой, даже вещами запрещенными, каковыми тогда были все сочинения Рылеева и его “Полярная звезда”.

Сам М. Де-Пуле, выпускник словесного отделения философского факультета Харьковского университета, преподавал русский язык и историю в Михайловском кадетском корпусе и был хорошим приятелем Н. Тарачкова (под редакцией М. Де-Пуле вышел первый местный альманах “Воронежская беседа на 1861 год”, в 1862–1863 годах он редактировал неофициальную часть “Воронежских губернских ведомостей”, где публиковался Н. Тарачков).

Сосед по холостяцкой квартире Николая Тарачкова преподаватель рисования С.П. Павлов составил этнографический альбом среднерусских крестьянских типов и народных костюмов, за что был награждён золотой медалью Русского императорского географического общества. И Де-Пуле, и Павлов, и другие преподаватели корпуса были членами кружка, который собирался у Тарачкова. Позднее многие его члены, как и сам Н. Тарачков, вошли в кружок известного общественного деятеля Н.И. Второва, приехавшего в Воронеж в 1849 году.

Вступив в творческое соревнование со старшим братом, Николай в Воронеже наметил программу: собрать и описать все растения местной флоры, описать животных. За три года – с 1852-го по 1855-й – он составляет каталоги на 400 видов растений. Работа оценена в столице: принято решение разослать каталоги по всем военно-учебным заведениям страны, где изучалась ботаника. Сведения о растениях стали основой 19 публикаций “Воронежских губернских ведомостей” за 1852–1856 годы. Метеорологические наблюдения Н. Тарачкова и его учеников публиковались в 37 номерах “Воронежских губернских ведомостей” в 1861–1864 годах.

Когда в Воронеже активизировалась деятельность губернского статистического комитета, не мог остаться в стороне от этого и Николай Тарачков. В феврале 1854 года ему было предложено стать членом-корреспондентом комитета. Сферой своих занятий в этом качестве он назвал историю и климатологию Воронежской губернии, садоводство, огородничество, лесоводство, народную медицину. Но для начала – растительность и климат. Приложил свои брошюры, составил статью для первой “Памятной книжки Воронежской губернии на 1856 год”, но, к сожалению, этим все и ограничилось. Тарачковым была собрана обширная коллекция геологических образцов и насекомых – он мечтал передать ее будущему губернскому

музею и даже дал согласие стать хранителем этого музея. Но эта идея, возникшая в 1857 году, тогда в Воронеже не осуществилась.

Н. Тарачков первым начинает акклиматизацию в Воронежском крае каштанов, грецких орехов, шелковицы (позднее он будет удостоен за это бронзовой медали Парижского общества акклиматизации животных и растений). А вот главное его открытие – открытие павловского гранита – так и не было отмечено никакой наградой. В одну из своих поездок по югу губернии, прослышав о необычном каменистом берегу Дона, он приехал на это место, чтобы увидеть природную диковину своими глазами. Удивительно, но в научной литературе еще не было достоверного, сделанного специалистом описания донских гранитов. Уже вскоре в Воронеже заговорили об открытии Тарачкова. Любопытное упоминание находим в письме И.С. Никитина Н.И. Второву (2 августа 1857 года):

“Тарачков, слышно, открыл в Богучарском уезде минеральные ключи и нашёл где-то на берегах Дона пласты гранита в обширных размерах. Подробностей о том и другом я не знаю, потому что еще не видал самого Тарачкова”. И далее поэт делает весьма характерную ремарку: “Вода, как сейчас я слышал, разложится химически, и насколько в ней окажется минерального – Бог весть. Гранит под землю, и количество его неизвестно”.

26 октября того же года в “Воронежских губернских ведомостях” была опубликована статья Н. Тарачкова “Гранит в Воронежской губернии”. Автор весьма подробно рассказывал читателям о своей находке:

“На правом берегу р. Дона, в слободе Ново-Каменка в 6 верстах от г. Павловска, в двух местах (в расстоянии одно от другого 80 сажень) выделились массы гранита. Большая из них длиною около 50 саж., а в высоту до 4-х саж., меньшая длиною 24 саж. и шириною 10 саж., высота ее незначительна.

Основываясь на указаниях науки, я полагаю, что эта гранитная масса от размытых весенним половодьем наносных песков оказалась в двух означенных местах только незначительную свою часть».

И далее: “Приняв во внимание недостаток так называемого огненного происхождения горных пород не только в Воронежской губернии, но и в большей части Южного края России, а также большое требование гранитных плит для этой местности из отдаленных пунктов – Москвы, Петербурга и берегов Черного моря, я полагаю, что разработка означенной скалы может принести пользу как жителям слободы Ново-Каменки, так и вообще для здешнего края”.

Увы, в те годы освоение месторождения так и не началось (возможно, не только из-за косности тогдашней администрации, но и из-за отсутствия необходимых технологий и техники). Пожалуй, единственный, но самый замечательный и яркий пример использования павловского гранита в дореволюционные годы – изготовление пьедестала памятника Петру Великому в Воронеже весом 1500 пудов.

Воронежу вскоре пришлось прощаться с Николаем Тарачковым – он переехал в Орёл. Наверное, далеко не каждому его современнику довелось увидеть такое отношение к себе: в местной печати появились публикации, в которых была выражена благодарность ученому, педагогу, общественному деятелю. Его учениками в кадетском корпусе были будущий изобретатель электрической лампочки Александр Лодыгин (Лодыгин, кстати, был одним из любимцев Тарачкова, его неизменным помощником в метео-обсерватории и кабинете физики), “отец русской трёхлинейки” Сергей Мосин, историк Николай Барсуков, журналист и издатель Алексей Суворин...

Формальным поводом для переезда была волна реорганизаций кадетских корпусов, в результате чего Н. Тарачков оказался вне штата преподавателей. А затем вакансия появилась в Орле. Можно предположить, что Николай

Степанович решил перебраться к брату в связи с какой-то возникшей необходимостью. Они снова оказались вместе два десятка лет спустя после окончания университета. О многом можно было вспомнить, о многом задуматься...

Ныне нам трудно представить, какими были реалии той ушедшей жизни. В одной орловской книге конца позапрошлого века довелось прочесть пространную сентенцию о провинциальных интеллигентах. Как кажется, основой для неё послужила и деятельность Тарачковых:

“При скромной обстановке жизни, при полной невысказанности в желаниях и стремлениях, у них сохраняется неослабеваемая любознательность ко всему, что может и должно интересовать образованного человека. Начитанность и знакомство с тою или другою отраслью человеческих знаний иной раз бывает у них поразительная. Нередко их скромными именами украшаются страницы толстых ежемесячных журналов, иногда они дарят и более капитальными произведениями ученую литературу. Живавший в провинции не мог не встречать этих милейших людей и не пользоваться их умною, простою и не претендательною беседою. Сколько нового внесено этими тружениками в область научную, сколько новых и важных документов ими напечатано, сколько возбуждено стремлений по охранению родной старины, сколько вызвано внимания к вопросам историческим, экономическим и т. д. Бескорыстные их работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимает из области мелких матерьяльных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с ними поднимается и общество, среди которого они работают и действуют, внимающие им, смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними подымаются и движутся вперёд...”

Был ли интерес братьев Тарачковых к науке праздной забавой, продолжением юношеских увлечений? Вряд ли. Видимо, братья еще в те годы понимали, как важен союз

природы и человека, пытались определить эту связь, чтобы можно было с наибольшей точностью фиксировать любые изменения, надвигалось время промышленного развития и скачкообразного роста могущества человека. Не случайно Николай Тарачков изучал воронежский климат, предупреждал о том вреде, какой наносят земле овраги и сыпучие пески, предлагал способы борьбы с ними. А Александр в своих списках орловских рыб указывал на чехонь и синьгу-пучеглаза как на уже редко попадающихся. Он писал о том, что стерлядь изредка встречалась в Оке в 1825–1830 годах ниже Орла – и после она исчезла. В одной из статей 1856 года А. Тарачков подытоживал: “Здесьние старожилы говорят, что климат Орловской губернии переменился, что прежде были гораздо лучшие времена, отличные урожаи, во всем было изобилие, и все жили припеваючи. Не климат переменился – скажу я вам, а изменился внешний вид страны, и причиною этому сами люди. Уничтоживши леса, обнажили ее от единственной и естественной защиты, какую они представляли от сильных холодных ветров”.

На счету братьев – десятки, сотни публикаций и в центральных, и в губернских изданиях: так они делали свои исследования доступными для других ученых, для всего общества. Обширны работы Александра: “Сады и садоводство в Орловской губернии”, “Топографическое положение, климат, почвы и леса Орловского уезда”, “Орловская флора”, “Карачевские леса”, “Очерк нынешнего состояния лесов и лесных пород в Орловской губернии”, “Геогностические и гидрологические условия Орла в гигиеническом отношении”, “О причинах уменьшения дичи в окрестностях Орла и наблюдения над весенними и осенними ее перелетами”, “Отчего в Орле бывают большие пожары?”, “Ископаемые богатства в Брянском уезде” и т. д.

У Николая: “Об укреплении сыпучих песков и засаждении их лесом”, “Заметки о местонахождении торфа”,

“Легкое средство для очищения воды”, “Практические заметки о разведении подсолнечника”, “Путевые заметки при ботанических поездках по Воронежской губернии”, “Некоторые сведения об акклиматизации животных и растений в Воронежской губернии” и т. д.

По поручению Русского географического и Вольного экономического обществ Александр Тарачков в конце 1860-х годов отправляется в путешествие по губерниям: Московской, Тульской, Владимирской, Курской, Орловской, Рязанской – и работает над основательным исследованием о хозяйстве и быте этих губерний...

Похоже, Александр Тарачков всё больше уходил от чистой науки, пытался искать ответы на вечные вопросы российской жизни. На первое место выходили проблемы хозяйствования, развития экономики. В “Памятной книжке Орловской губернии на 1869 год” А. Тарачков напечатал подробнейшую статью “Торговля и главные ее предметы в городе Мценске”. В другой своей публикации А. Тарачков выражал недоумение по поводу того, что орловские торговцы пенькой не имели своих складов в Петербурге. Он размышлял на эту тему:

“Для орловских торговцев было бы выгодно составить одну компанию для торговли пенькой, которая, разумеется, получила бы уже характер монополии. Но, во-первых, это здесь не в обычае, а во-вторых, между здешним купечеством (по разным обстоятельствам, особенно от пожаров, не один раз истреблявших их имущество и совершенно расстраивавших торговые их дела) нет взаимного доверия, а при таком условии каждый опасается компанейской торговли”.

Жаль, что купцы не послушали совета и не объединили усилий: может быть, конопляное дело при наличии в крае мощной структуры имело бы совсем другие перспективы... В обширной (на 79 страницах) публикации “Материалы для истории торговли и промышленности в

Орловской губернии” (напечатана в “Памятной книжке Орловской губернии на 1864 год”) А. Тарачков обращался к читателям:

“В заключение мне остается желать, чтобы читатели этой статьи и в особенности лица торгового сословия не отказались бы заявить печатно свои замечания и дополнения на собранные мною материалы, при составлении которых мною руководило искреннее желание, чтобы эта важнейшая отрасль местной народной промышленности развивалась и достигала бы все более и более цветущего состояния”.

Действительно, путешествие по исконно русским губерниям обострило внимание к хозяйственной проблематике. Учитывая опыт, остроту пытливого ума А. Тарачкова, можно было предположить, что его имя станет далеко не последним в ряду русских экономистов. Но ему уже не было суждено проявить себя на новой стезе. Хотя предварительный отчет о поездке был опубликован в 1869 году в “Известиях императорского Русского географического общества”, завершить подробный отчет Александр Степанович Тарачков уже не успел... Он умер в декабре 1870 года, прожив лишь полвека...

Николай Степанович Тарачков, переехав в Орёл, занял скромную должность воспитателя и преподавателя естественной истории. Он быстро вписался в атмосферу Орловской военной гимназии, где не было муштры, рисовки, высокомерия. В порядке вещей считалось устроить за счет преподавателей чаепитие с пирогами для учеников-сирот, подготовить самодеятельный концерт. А, например, когда на строевых занятиях кадеты расшалились, ротный командир попросту приказал облить их холодной водой. Были и шутки, розыгрыши. Преподаватель математики Гельман однажды вспоминал:

“Когда в курс кадетских корпусов было введено преподавание тригонометрии, кадетам очень понравились

термины нового предмета. Один из них, выходя из класса, обратился к дежурному офицеру и объяснил, что отец его обещал прислать бочонок соленых синусов и сотню копченых тангенсов. “Экая невидаль, – сказал с улыбкой офицер. – Вы можете достать сколько угодно этой дряни у купца Ситникова!”

Н. Тарачков с участием своих питомцев посадил возле здания военной гимназии в Орле замечательный сад из декоративных и фруктовых деревьев, хлопотал об открытии в этом учебном заведении естественно-исторического музея. Авторитет его был высок: Н. Тарачков являлся действительным членом и членом-корреспондентом восьми научных обществ: Российского общества садоводства ведомства учреждений императрицы Марии, Московского общества сельского хозяйства (комитетов по акклиматизации животных, акклиматизации растений, лесоводства, шелководства), Российского общества садоводства, Лебедянского общества сельского хозяйства.

Он был не только выдающимся исследователем, но и талантливым педагогом. Критически осмысливая и свой собственный учительский опыт, и проводившиеся в России реформы образования, Н. Тарачков считал, что принятое в этой сфере Д.А. Толстым отклонило народное образование России в сторону, из-за чего техническое образование не могло получить должного развития и эксплуатация русских богатств в итоге оказалась в руках иностранцев. Скептически смотрел Тарачков и на классические гимназии. Их выпускники в реальной жизни чаще оказывались белоручками, вынужденными брать в управляющие хозяйством, производством немцев. В его статьях – доводы в пользу открытия реальных училищ, агрономических учебных заведений, технических школ при заводах. Только таким путем, считал ученый, Россия уйдет от иностранной зависимости в эксплуатации своих природных богатств.

Будущее русского народа он видел в просвещении, в том, чтобы возможность учиться была у каждого молодого человека.

Младший брат в какой-то степени попытался продолжить и увлечение старшего журналистикой. Дело в том, что орловская интеллигенция давно замыслила издавать прогрессивную литературно-политическую газету. Сослуживец Н. Тарачкова известный литератор Александр Николаевич Чудинов (приехавший в Орёл из Воронежа, где он преподавал в гимназии, а затем на протяжении многих лет сотрудничал с “Филологическими записками” Хованского) обратился за поддержкой программы нового издания и с предложением о сотрудничестве к И.С. Тургеневу. Тургенев выразил готовность “быть полезным”, подчеркнув, что “каждому человеку свойственно сделать что-нибудь особенное для своего родного города”.

Однако начались всевозможные проволочки с разрешением на издание заявленной газеты. И тогда, видимо, в качестве запасного был использован вариант с регистрацией менее заметного издания. Инициаторами его официально стали братья Николай и Андрей Тарачковы. Еженедельная газета, первый номер которой вышел 12 января 1873 года, получила название “Орловский справочный листок”. Она была первой частной газетой в Орле. Среди основных отделов значились торговый, хозяйственный, юридический, общественный, объявления. Газете разрешалось помещать не только административные распоряжения о городском благоустройстве и земских нововведениях, но и экономическую хронику, сведения о здравоохранении и народном образовании, метеорологические данные.

Видимо, у Н. Тарачкова было куда больше оснований, чем у других орловских обывателей, для открытия газеты. Ведь ещё в 1862 году в Воронеже его сослуживец по кадетскому корпусу П.В. Малыхин начал издавать первую в регионе частную газету “Воронежский листок”.

Издателями, редакторами были многие давние знакомцы Н. Тарачкова. В Орле он издавал газету на собственные деньги, это занятие отнимало массу времени и средств: даже отказался от должности воспитателя, но совсем бросить своё любимое занятие в кадетском корпусе не мог, да и надо было дослуживать необходимый для пенсии срок. В итоге газета перешла в другие руки и превратилась в известный многим “Орловский вестник”.

Можно только представить, какой трогательной была встреча постаревшего учителя со своим бывшим учеником Александром Лодыгиным, который приезжал в Орёл к родственникам жены в 1891 году. Им было о чем вспомнить... О том хотя бы, как юный кадет Саша Лодыгин слушал лекции Николая Степановича по физике, как вели когда-то наблюдения в метеообсерватории кадетского корпуса и публиковали их результаты в “Губернских ведомостях”...

Летом 1892 года Николай Степанович серьезно заболел. Он почти ничего не ел, мучили обмороки, учащённый пульс. Н.С. Тарачков умер 13 сентября 1893 года. Наверное, несмотря на тяжелейший последний год, Николай Степанович мог и о себе, и о своём брате Александре со спокойной душой сказать, что жизнь прожита не зря... С именами братьев Тарачковых связано целых полвека в истории Орловского Бахтина кадетского корпуса. Их учениками в Орле были известные революционеры Василий Арцибушев, Александр Баранников, Дмитрий и Николай Рогачевы, Степняк-Кравчинский. А еще среди их бывших орловских школяров – историк Леонид Савёлов, военный историк генерал Андрей Зайончковский, автор многотомного труда “Артиллерия русской армии” генерал Евгений Барсуков, ректор Петербургского университета Василий Сергеевич, командармы Дмитрий Парский, Дмитрий Щербачев, командир армейского корпуса Алексей Будберг. И еще сотни и сотни офицеров русской армии, которые когда-то юными кадетами сидели за партой на уроках Тарачковых...

Этот очерк о братьях Тарачковых – всего лишь скромная дань их таланту и подвижническому труду. Они сами мало заботились о внимании со стороны публики, о долговечности результатов своих изысканий. С какой-то грустью доводится теперь читать иные принадлежащие их перу строки, такие, например, как эти. Посылая Н.В. Воскресенскому в апреле 1888 года свои прежние статьи, Н. Тарачков добавлял:

“Ещё прилагаю на Ваше усмотрение некролог И.Т. Радожицкого, изучавшего и в нескольких громадных рукописных томах описавшего “Русскую флору”, в том числе и воронежские растения, в пятилетнее (или около этого) своё проживание в Воронеже. Бывши с ним близко знаком, я предположил составить (для “Русской старины”) его биографию, но до сих пор не собрался осуществить это, равно как и свою автобиографию, с воспоминаниями длинного прошлого, при сношениях моих с разными замечательными по своей научной и другой деятельности лицами”.

Увы, сегодня мы не располагаем автобиографией Николая Тарачкова. К тому же многое поглотила пучина войн и революций: в годы оккупации фашисты разрушили величественные здания бывших кадетских корпусов в Воронеже и Орле, погибли архивные материалы Орловского Бахтина кадетского корпуса.

Сохранились отдельные листы обширного гербария Александра Тарачкова, чудом дошедшие до нас в коллекции Орловского госуниверситета. Целы несколько книг из библиотеки, которой заведовал Александр Тарачков на заре своей преподавательской службы, – эти фолианты удалось полистать в Орле в областной библиотеке имени И.А. Бунина. А издания, помнящие Николая Тарачкова, хранятся в отделе редкой книги Никитинской библиотеки в Воронеже. Среди них – “Жизнь растений”, “Руководство по воспитанию, образованию и сохранению здоровья”, “Саморазвитие умственное, нравственное и практическое”, “История военного искусства”.

Не сохранились в Орле могилы Тарачковых, исчезла сама их фамилия. Нет ныне ни в Воронеже, ни в Орле улицы Тарачковых, память о них никак не увековечена, хотя появились в этих городах университеты, целые научные школы по заложенным когда-то направлениям исследований, возрождаются кадетские корпуса.

Всё началось с книжной лавки...

Всё началось с книжной лавки...

Мимо этого старинного здания на Ленинской улице в Орле ежедневно проходят сотни людей. Если провести своего рода эксперимент и опросить всех, то едва ли хотя бы один или два прохожих поведают нам о том, что век тому назад здесь располагался один из лучших в Центральной России книжный и музыкальный магазин. А заведовал им любимец орловской публики Владимир Кашкин. Впрочем, так уже сложилось, что и другие Кашкины прочно вошли в историю отечественной культуры...

Владимир Дмитриевич Кашкин родился в 1845 году в Воронеже в большой семье купца – владельца книжной лавки. Отец его, Дмитрий Антонович, к моменту рождения сына был, по меркам того времени, уже довольно пожилым человеком – давно разменял шестой десяток лет. Обитали в старом родовом доме в центре Воронежа. Усадьба досталась Дмитрию Кашкину по наследству от матери. Женился он на Любви Васильевне Поляковой – отпущенной на волю крепостной крестьянке. Став грамотной и начитанной женщиной, она всецело занялась домом и воспитанием детей.

Потомственным занятием Кашкиных являлась торговля хлебом, но Дмитрий Антонович, немало потрудившийся на этом поприще, со временем к нему охладел. Был он, по свидетельству современников, “человек с поэтической настроенностью, воспитанный на переводных романах и на школе сентиментальных русских писателей”. Рисовал, играл на фортепиано и... на гусях, писал стихи, “любил рассуждать о философии и искусстве”.

Неудивительно, что Кашкин одним из первых в Воронеже занялся книжной торговлей. Он был одним из тех книжников на Руси, которые принесли в народ печатное слово. Его магазин-библиотека являлся культурным центром города (в прямом смысле, иных аналогичных заведений в Воронеже долгое время попросту не было). Здесь, в лавке на углу Сенной (затем её называли Щепной) площади, бывали все воронежские любители чтения. Часто посещал её И.С. Никитин – Иван Саввич и сам вскоре по примеру Кашкина завёл книжную лавку...

Воронежский общественный деятель М. Де-Пуле, собиравший материалы о Д.А. Кашкине ещё при его жизни, писал, что Кашкин “достигнул замечательных, по времени, успехов в самообразовании... он был оригинален, т. е. вполне самобытен, прям и, при случае, резок. Многие его побаивались, многие, конечно, не любили, но большинство уважало его, как человека с независимым характером... С таким-то человеком свела судьба юного Кольцова, — и понятно, что это знакомство было для нашего поэта первою образовательною школой”. Добавим ещё одну деталь к характеристике торговца Дмитрия Кашкина: в своё время по делам хлебной торговли он частенько бывал в Одессе и, по утверждению профессора Ю.Г. Оксмана, был связан с одесским “Обществом Независимых”, разделявшим идеи декабристского “Общества соединённых славян”.

Воронежский старожил Ф.Д. Трясоруков вспоминал: “В 1825 году я видал в этой лавке мальчика лет 15-ти, небольшого роста, незавидной наружности, в нагольном засаленном полушубке, рассматривающего книги или читающего что-нибудь новое... Будучи сам страстным любителем чтения, я с особенным вниманием смотрел на него и, признаюсь, более потому, что наружность и костюм его не соответствовали такому занятию, особенно в то время. Видевши его часто в лавке, я скоро с ним сошёлся и узнал,

что он сын нашего прихожанина, Василия Петровича Кольцова, прасола, человека самого простого образования, и что он как один сын у отца должен помогать ему по всем его торговым занятиям”.

В романе воронежского писателя Владимира Кораблинова “Жизнь Кольцова” сцена встречи книгопродавца и будущего поэта – одна из начальных в повествовании. Хорошо знавший характер чернозёмного купечества, биограф даёт сочный портрет Кашкина и тем не менее не теряет к нему симпатии, пишет так: “В его “кабинете” лет пять тому назад Кольцов прочёл первые поэтические опыты, те, которые Белинский потом назвал “чудовищными пиесами”, и после читал всё, что бы ни сочинил, и Кашкин видел, как быстро растёт этот сероглазый мальчик, и с радостью после каждого удачного кольцовского стиха говорил, потирая руки:

– Эх, и силища зреет!..”

Прасольскому сыну Кашкин постоянно помогал советами и книгами (подающий большие надежды подросток мог взять в лавке на время любую книгу совершенно бесплатно), в придачу подарил ему “Русскую прасодию, или Правила, как писать русские стихи, с краткими замечаниями о разных родах стихотворений”.

По словам известнейшего литературоведа Н.Н. Скатова, “на протяжении пяти лет кашкинская книжная лавка была для Кольцова и училищем, и гимназией, и университетом, а сам Кашкин – литературным пестуном, наставником и критиком”. Мать В.Д. Кашкина Любовь Васильевна была хорошо знакома с семьёй Кольцовых, во всех подробностях знала обстоятельства жизни родителей, сестёр Алексея Васильевича. Позднее Владимир Кашкин записал её рассказы о Кольцовых – их теперь используют в своих исследованиях самые авторитетные знатоки биографии народного поэта. Вот одна из таких записей: “Когда он попадал в приятное для себя общество, делался живым,

подвижным, весёлым, много рассказывал, был совершенно откровенен и выкладывал перед слушателем все свои помышления, шутил, острил и т. д. Незнакомого общества как бы боялся и уходил в себя, как улитка в раковину... Бывал у нас совершенно запросто, т. е. во всякое время заходил и при отце, и без отца, пили чай и пр. Отца он очень чтит и уважал, считал его как бы старшим”.

Оставил воспоминания о Кольцовых и сам В.Д. Кашкин (ныне они хранятся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии наук). Например, он так вспоминал об отце поэта: “Василий Петрович был толстый, жирный, лоснящийся, ездивший всегда на беговых дрожках. Одевался он в длинный купеческий сюртук, а сверху – чуйка (длинный суконный кафтан халатного покроя, который носили купцы и мещане. – **А.К.**), подпоясанная кушаком; шаровары, конечно, в сапогах и т. д.”

Особая тема – сыновья Дмитрия Антоновича Кашкина.

Николай (родился в 1839 году) играл на фортепиано, прекрасно пел, приятельствовал с Иваном Никитиным (вдвоём они вели литературно-музыкальные вечера в Воронеже, один читал стихи, другой играл на фортепиано). Николай в юные годы замещал больного, ослепшего отца в книжной лавке, а потом уехал из родного города. Иван Никитин тогда упоминал о нём в одном из писем в Воронеж: “В Москву я приехал вместе с Н.Д. Кашкиным. Он – отличный малый, и я был душевно рад, если бы ему нашлось место приказчика в книжном или музыкальном магазине. При его способностях можно составить себе очень хорошую карьеру”. В Москве Николай Кашкин брал уроки у пианиста и композитора А.И. Дюбюка, принимал активное участие в деятельности Русского музыкального общества, со временем стал музыкальным критиком страны и педагогом, профессором Московской консерватории, в 1875 году издал учебник элементарной теории музыки. В числе его друзей были П.И. Чайковский и А.Н. Апухтин.

Лев (по другим сведениям Леонид) – владелец книжного магазина и библиотеки в Твери, в 1916–1917 гг. состоял членом дирекции Орловского отделения Русского музыкального общества.

Александр – купец, гласный (т. е. депутат) Воронежской Городской думы.

После смерти отца (умер в 1862 году) и брата Александра (умер в 1871 году), отъезда из Воронежа и других братьев юный Владимир Кашкин перебрался в Москву, поближе к Николаю, и открыл на Лубянке книжный магазин и библиотеку. Но московская торговая среда не позволила крепко стать на ноги. Спустя несколько лет Владимир Кашкин вернулся в провинцию, но уже не на малую родину, а в Орёл. С 1880 года он жил в нашем городе – в Узком переулке Введенской улицы (кстати, одно время в этом же переулке квартировал Иван Бунин).

Сразу по приезде в Орёл в мае 1880 года Кашкин подал прошение орловскому губернатору К.Н. Боборыкину с просьбой об открытии на улице Болховской в доме напротив Сретенской церкви книжного магазина с кабинетом для чтения (т. е. библиотеки). К прошению было приложено соответствующее свидетельство московского губернатора князя В.А. Долгорукого. Орловский губернатор наложил резолюцию: “Спросить московского обер-полицмейстера”. Отзыв оказался вполне положительный: Кашкин политически благонадёжен. В том же году магазин принял первых покупателей (ныне это дом № 19 по улице Ленина).

С 1884 года книжный магазин Кашкина помимо Орла начал работать и в Курске. Ассортимент товаров был достаточно широк: книги, атласы, глобусы, карты, фотографии, гектографы, музыкальные инструменты, игрушки, канцелярские товары. Кашкин снабжал книгами библиотеки гимназии, кадетского корпуса, института благородных девиц.

В 1900 году был издан каталог библиотеки Кашкина: более 6,5 тысячи книг, практически вся русская и мировая классика. Библиотека эта являлась платной: в зависимости от разряда (их было четыре) взнос составлял от 5 до 12 рублей в год (соответственно можно было брать на дом от двух книг в неделю до пяти). Занимался Кашкин и издательской деятельностью: вышли в свет музыкальные произведения, комплекты открыток с видами Орла. В «Материалах для описания Орловской губернии» (1905) было отмечено: «Кашкин Владимир Дмитриевич, владелец лучшего книжного и музыкального магазина в г. Орле, талантливый пианист и композитор, пользуется большой известностью в музыкальных сферах г. Орла».

Кашкин сочинял романсы («На заре», «Под твоим окном я тебе спою»), причём писал их под псевдонимами. Орловские любители музыки покупали инструменты непременно у него. Частенько бывал здесь и будущий композитор Василий Калинин (в 1884 году он писал матери своей невесты Н.С. Ливановой в Дмитровск: «Вам же самим ехать в Москву за роялью не стоит... уж лучше съездить в Орёл и купить новый у Кашкина»).

Кстати, Кашкины сыграли особую роль в творческой судьбе Калиникова. Когда будущий композитор поехал в Москву поступать в консерваторию, с него за первый год обучения потребовали 200 рублей. Он дал телеграмму отцу, но пришедший вскоре ответ, как и ожидалось, оказался неутешителен. Вот как описывал Василий дальнейшие события в письме отцу из Москвы в августе 1884 года (пунктуация подлинника сохранена): «Ехать домой мне казалось невыносимым. Пошёл за советами к Евлановым. Те приняли меня, обласкали и успокоили. Долго обсуждали моё положение, наконец решили идти мне к профессору Кашкину, который, говорят, добрый человек и покровительствует беднякам. Ольга Вас[ильевна] говорила, что он вообще

любит земляков (ибо он тоже орловец), и потому сильно надеется на успех. Тем более что Кашкин имеет большой вес в консерватории. Я поблагодарил их за совет и отправился к Кашкину, имея впрочем очень мало надежды. Днём не застал его дома, я застал его уже вечером. Вошёл в переднюю и испугался. Слёзы почему-то полились, мысли спутались... Вышел Кашкин. Я объяснил ему, кто я, и рассказал своё положение со слезами. Он позвал меня в кабинет, и мы начали толковать. Он очень и очень любезно и ласково говорил со мною, так что я говорил с ним, как с отцом”...

Николай Дмитриевич под свою ответственность “устроил” орловского самородка в музыкальный вуз, и в одном из последующих писем Василий Калинин писал в Орёл: “По теории, моей специальности, я учусь у Кашкина, который прекрасно говорит лекции и вообще благороднейший и добрейший человек”. А в 1901 году в “Русской музыкальной газете” В.Д. Кашкин опубликовал свои воспоминания о Василии Калининове, к тому времени уже ушедшем в мир иной. В 1921 году в книге “Русская поэзия в русской музыке” Борис Асафьев писал о Калининове: “Это – Кольцов русской музыки с той разницей, что родиной его была не Воронежская, а Орловская губерния”. Кольцов, Калинин, Кашкины – очень тесен мир русской провинции...

Более 25 лет Владимир Дмитриевич Кашкин был гласным Орловской Городской думы, в 1887 году его избрали казначеем комитета народных чтений. Состоял В.Д. Кашкин и в обществе любителей изящных искусств, немало сделал для организации в Орле выставки художников-передвижников (декабрь 1896 – февраль 1897 года).

Владимир Дмитриевич Кашкин умер 8 июня 1913 года в селе Хотетове под Орлом. Вся жизнь его была каждодневным трудом. И подвигом духовным. В то время,

когда отпрыски богатых семей затевали “хождение в народ”, Владимиру Кашкину, впрочем, как и его отцу, как брату Николаю, не требовалось придумывать никаких планов путешествия в глубинку. Они всегда работали на благо просвещения, помогали встать на крыло талантам из народа – помогали без показной патетики и революционной браводы. Прошли многие десятилетия, и этих людей мы теперь по праву называем родоначальниками русской провинциальной интеллигенции.

Мамикови

Имена этих двух людей, двух однофамильцев навсегда остались в орловской истории. Хотя не были они генералами или писателями, губернаторами, купцами... Лука Маликов, например, служил несколько десятилетий обыкновенным священником во Введенском девичьем монастыре. Александр Маликов, высокообразованный юрист, приехал в Орёл в качестве ссыльного через двадцать лет после смерти Луки. Приехал, чтобы заявить в этом провинциальном городе о рождении новой религии... Но обо всём по порядку.

ЛУКА

Лука Маликов был сыном малоархангельского священника. Впрочем, в середине XVIII века уездного города Малоархангельска еще не существовало, было только село Архангельское. Как вспоминал уже на закате своей жизни Лука, “недавно мне случилось быть на моей родине в бывшем селе Архангельском, и я не нашёл и малейших признаков этого села. Как я был в детстве, то помню, что вокруг места моей родины были болота и леса, а среди самого села существовало озеро: теперь уже озера нет, а где были леса и болото, там волнуются нивы землевладельцев”.

В 1777 году по извечной традиции сын сельского священника был принят в Воронежскую духовную семинарию. Кажется странным, почему недоросль из орловского села был зачислен в семинарию не в Севске, а в Воронеже. Однако все станет ясно, если вспомнить, что в то время еще не было Орловской епархии, а Елец, Ливны, Новосиль и, соответственно, территория будущего Малоархангельского уезда входили в пределы обширной Воронежской епархии.

Малолетний Лука Маликов стал, если можно так выразиться на современный лад, “одноклассником” Евгения Болховитинова – будущего известного историка и литературоведа, митрополита Киевского, предки которого, кстати, были родом с Орловщины, – от названия города Болхова и произошла фамилия Болховитиновых.

И Маликов, и Болховитинов поступили в семинарию в один и тот же год – 1777-й. Семинария тогда помещалась в архиерейском доме, занимая в нём всего десять комнат и одну аудиторию. Ученики были явно не из особо имущего сословия.

Лука Маликов, например, даже просил воронежского епископа преподобного Тихона о зачислении за ним в его родном селе Архангельском открывшегося причетнического места. Владыка затребовал тогда у семинарского начальства отзыв – и мнение о семинаристе Маликове было высказано самое похвальное. На средства, полагавшиеся причетнику, и учился Лука Маликов в Воронежской семинарии.

В связи с открытием новой епархии – Орловско-Севской – и переходом территории будущего Малоархангельского уезда в её пределы семинарист Маликов после 1788 года был переведён на учёбу в соответствующую семинарию в Севск. По окончании её в январе 1791 года стал дьяконом Преображенской церкви в Орле, с декабря 1793 года – священник Введенского девичьего монастыря.

Судьба у Маликова сложилась непростая. Рано умерла жена, оставив трёх дочерей. А когда они выросли и вышли замуж, новое горе постигло младшую дочь – у неё умер муж, священник Крестительской церкви в Орле. И снова Лука Маликов, теперь уже в преклонные годы, взял на попечение четверых внуков.

Конечно, в те годы такое было не в редкость. Да только у Луки никогда не водилось лишней копейки. К примеру, с самой юности он не ел мясного, не пил ни рюмки вина. Его дом был открыт для всех, кто шёл за советом, за утешением, для искавших поддержки и защиты, иные жили здесь годами, пытаясь постичь смысл своей жизни... Это был один из тех людей, без которых, наверное, не стоит ни одно селение, ни один город.

Лука был необыкновенно требователен в вопросах веры и соблюдения всех правил поведения в храме, не стеснялся делать замечания прихожанам. И речь шла не только о простых орловцах. Однажды важный петербургский чиновник, посланный в губернию по поручению самого императора, молился в монастырской церкви, не сняв перчаток. Лука подошёл к нему:

– Ваше превосходительство! Позвольте вас спросить вот о чем: в столице живя, вы, конечно, часто видите царя, а может быть, и сами близ него находились. Скажите же, пожалуйста, когда ему подают прошения, то в перчатках ли подают?

Чиновник, несколько обескураженный, торопливо принялся стягивать перчатки:

– Простите, батюшка, виноват...

Появление столь щепетильного священника, без сомнения, стало событием для женского монастыря в Орле. Ведь не секрет, что при бывшей здесь в конце XVIII века и в самом начале века XIX игуменье Феофании “благородные послушницы купали у бедных монахинь кельи и строили для себя просторные помещения, окружали себя светской прислугой, принимали гостей, выезжали в свои деревни к родственникам и не показывались в монастыре по году”. Монахини были настолько своенравны, что однажды просто восстали против принципиальности Маликова, – больше месяца Лука был вовсе не у дел. Однако со временем строгие нравы постепенно брали своё, и монастырь всё больше и больше походил на истинную обитель. Как кто-то остроумно заметил, по ночам здесь уже не раздавался крик и плач младенцев.

Когда много лет спустя Луке Маликову выпала удача получить по совместительству место в духовной консистории у орловского архиерея, он, прослужив здесь лишь четыре с половиной года, всё же не удержался в окружении владыки.

Что же произошло? Вот как описывал начало этой истории Николай Лесков: “Архиерей Никодим был злой человек, отличившийся к концу своей земной карьеры тем, что, желая иметь еще одну кавалерию (орден. – **А.К.**), он из угодливости сдал в солдаты очень много духовных, между которыми были и единственные сыновья у отцов, и даже сами семейные дьячки и пономари. Они выходили из города целой партией, заливаясь слезами.

Провожавшие их также рыдали, и самый народ, при всей своей нелюбви к многоовчинному поповскому брюху, плакал и подавал им милостыню...

*Архирей наш Никодим
Архилютый крокодил..."*

Так пишет Лесков. А орловский губернатор той поры Аркадий Васильевич Кочубей считал, что Никодим был "человек непросвещённый, старого покроя, но строгих правил и самой строгой жизни".

На пышном обеде, который собрался у Никодима вскоре после проводов новобранцев, Лука Маликов, к удивлению собравшихся, попросил слова:

– Ваше преосвященство! Вы любите правду и желаете, чтобы вам говорили правду: кроме сего вашему преосвященству угодно было почтить меня особенным доверием, сделав членом консистории. Поэтому представляется мне, что я обязан не обинуясь, как член консистории, говорить правду по делам, касающимся епархии вашего преосвященства. Покорнейше прошу вас позволить мне сказать несколько слов, и не оскорбитесь тем, если слова мои покажутся вам неприятны. Кто же вам и скажет горькую правду, как не мы, старики?

Никодим, выслушав столь долгое предисловие, с немалым интересом разрешил Луке продолжить... Каково же было его удивление, когда Лука Маликов выступил с упреками в адрес архиепископа. Никодим возразил:

– Что же мне было делать? Я действовал по предписанию.

Лука вступил с ним в спор:

– Все мы люди, все со слабостями и близки к падению во грехи. Если бы и следовало исполнить предписание, то этому предшествовать должна любовь к подвергшимся несчастью. А это и было упущено. Дерзну сказать: ваше преосвященство превысило даже меру, указанную вам правительством.

Никодим в раздражении заметил:

– Но исправить-то теперь уже ничего нельзя!

Лука ответил:

– Помогите хотя бы семьям, у которых не осталось даже хлеба.

Архиерей с гневом встал из-за стола и ушёл. Разошлись и озадаченные гости.

Развязка этой истории известна. Вскоре Лука Маликов получил серьёзный упрек как член консистории по поводу своей якобы необъективности относительно дел Введенского монастыря. Верно поняв, куда движется дело, Лука Маликов попросил об отставке. И она была принята... Правда, и архилютый Никодим нашёл денег, чтобы дать милостыню семьям, оставшимся без кормильцев. Но обида на правдолюбца осталась, видимо, навсегда.

Никодим уже перешёл в мир иной, когда Луку постигло новое несчастье – во время большого орловского пожара сгорели и дом его, и церковь, в которой он служил. Остался священник с внуками без крова, без пищи. А было ему уже под восемьдесят лет. Сжалились – назначили в одну из орловских кладбищенских церквей – Крестовоздвиженскую. Кое-как зарабатывал на пропитание, читая молитвы над покойниками. Увязал в снегу среди могил, месил грязь непролазную. А когда силы совсем покинули его, просил нового архиерея найти для внучки жениха-семинариста. Жених был вскоре найден, и он же занял место Луки в кладбищенской церкви.

Последние три года Лука был обездвижен, прикован к постели. Умер он в августе 1851 года и был похоронен возле Крестительской церкви в Орле. В лихолетьях XX века могила не сохранилась.

Уже два десятилетия прошло после смерти Луки Маликова, когда в Орёл приехал его однофамилец – Маликов Александр Капитонович. Целая эпоха миновала в истории России: от предреволюционной лихорадки и сонма надежд до разочарования в истинном результате реформ. Помните, Блок писал:

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер свиньиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклообразным взором колдуна...*

Маликов попал в Орёл и случайно (он, ссыльный, не мог выбирать себе место несвободы), и не случайно. Орёл “подобрал” ему, используя свои связи, обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев.

Печально известный Победоносцев был знаком с Маликовым ещё по Московскому университету, где в переломные предреформенные годы первый был профессором законовещения, а второй – его студентом, приехавшим на учёбу в столицу из владимирской глуши.

Их переписка длилась десятилетиями и была довольно оживленной, что дало повод позднейшим исследователям заподозрить: а не были ли сами идеи Маликова инспирированы консерватором Победоносцевым в далеко

не благовидных целях? Как знать... По всей вероятности, Маликов вряд ли был “агентом влияния”, манипулируемым Победоносцевым. В круг общения обер-прокурора, а тем более в круг его постоянной переписки, входили сотни людей: писатели, священники, учителя, чиновники. Встречаем мы здесь и Достоевского, и Чайковского. Неужто и их необходимо заподозрить в чём-то? Победоносцев был антиподом вошедшим в моду революционерам, а крайности всегда притягательны. Недаром московское славянское общество подарило ему дубовое кресло с надписью в старинном духе: “Тише едешь – дальше будешь”...

После университета в начале биографии Маликова была служба судебным следователем в Жиздринском уезде Калужской губернии, где располагались знаменитые Мальцовские заводы. В нередких конфликтах рабочих с хозяином Маликов неожиданно принял сторону рабочих. Это вызвало такое удивление, что даже калужский губернатор вызвал строптивого следователя объясниться. Маликов не поехал и вскоре был уволен.

По делу Каракозова его выслали в Холмогоры. Но благодаря известному нам заступничеству Маликов получил разрешение перебраться в Орёл, где устроился на работу в железнодорожное управление. Женой Маликова была Клавдия Пругавина – сестра известного исследователя русского раскола...

Маликов приехал в ссылку в Орёл, но ссылка эта была особой, вряд ли похожей на множество других. Он приехал в этот город с идеей новой религии или, если взглянуть шире, с идеей нового, идеального мироустройства. Маликов нашёл здесь единомышленников, отсюда он заявил о себе на весь мир. Он мечтал и проповедовал, он хотел разбудить человечество, которое в своей гордыне и ненависти, по его твёрдому убеждению, неотвратимо приближалось к катастрофе.

Орловские революционеры-народники пренебрежительно называли его “богоносцем”, а в Петербурге уже всю заговорили о появившемся в Орле проповеднике бескровной революции.

В начале 1870-х годов Маликов основал в Орле кружок молодых энтузиастов – богочеловеков. Николай Цвилленев, тульский уроженец, вспоминал о поездке в Орёл в июне 1874 года и о встрече с Маликовым:

“Помню хорошо его одухотворенное лицо, простые, приветливые манеры... Не дожидаясь его вопросов, я сказал, что не вижу другого способа избавить обездоленный народ от его нестерпимого положения, как путем социальной революции. “Вот это-то и ошибка, – сказал Маликов, – нужно знать человеческую природу, полюбить человека и искать в нём искру божью, заглухнувшую, быть может: воспламенить в нём эту искру”... С пламенным энтузиазмом говорил он о возможности переделать человечество пропагандой социальной справедливости даже среди сильных мира сего, и они добровольно откажутся от тех привилегий, которые в общественной жизни создают столько зла... Вера Маликова была необыкновенно заразительна и гипнотизировала слушателя, но я не мог понять все-таки, как мог допускать этот человек возможность победить антагонизм классовых соотношений”.

Маликов был убеждён в том, что в каждом человеке есть божественное начало. Стоит обратиться к нему, отыскать в человеке Бога, – тогда не нужно насилия: Бог всё устроит в душах людей, и все станут справедливыми и добрыми. Никакая революция не может улучшить социальных отношений между людьми. Необходимы взаимная любовь и полное доверие, “чтобы доставить счастье не только пролетариату, но и имущим классам”...

На диспутах оппоненты Маликова буквально загоняли его в угол силой аргументов и холодной логики, но парадокс заключался в том, что участники споров душой, сердцем всё равно в подавляющем большинстве оставались за Маликова. Так известный деятель революционного движения Николай Чайковский, специально приезжавший в Орёл к Маликову, вернувшись в Москву, заявил на одном

из нелегальных собраний своим соратникам: “Не ждите какого-либо блага от кровавой войны между людьми: война родит войну... Все люди – люди, следовательно, врагов не существует”.

Одни проникались этой душевной проповедью, другие подозрительно шептались: “Маликов совратил Чайковского теорией богочеловечества”.

В кружок Маликова входило не больше пятнадцати–двадцати представителей орловской молодёжи. Не случайно не где-то в столицах, а именно в Орле его вера обрела пусть мало, но всё-таки зримое число сторонников. Идея пролетарской революции была, мягко говоря, непонятна в чисто купеческом, дворянском, мещанском городе. Да, в обществе была уже усталость от обнищания народа, усталость от ничем не ограниченного произвола властей. Но, видимо, не было ещё зверского желания “грабить награбленное”, “уничтожить как класс”, устраивать террористические акты. Члены кружка Маликова не признавали никаких властей, но в то же время были против всякой революционной борьбы, которая, по их мнению, только увеличивала вражду. Ближе было примирение, духовное совершенствование, а не бунт.

Последователи Маликова были подвергнуты уничтожительной критике со стороны радикальных революционеров. Маликова называли нанятым Победоносцевым провокатором. О нём говорили, что он своей проповедью делает для правительства больше, чем целый округ жандармов. А саму идею именовали не иначе как “немецкая травянисто-зеленовесенняя сентиментальность”(!). Говорили, будто это припадок. Возмущались тем, что Маликов предлагает “обожествить” всех людей, в том числе биржевиков и жандармов.

Но Маликов пытался убеждать и жандармов. Рассказывали, что, будучи арестованным, он с такой пылкостью убеждал самих полицейских в идеях богочеловечества,

что они отпустили его на волю. Увы, серия арестов все-таки положила конец деятельности его кружка в Орле. Правда, найти много “вещественных доказательств” антигосударственной деятельности полиции не удалось. Обнаружены были два листа бумаги, на которых в виде тридцати семи тезисов излагались основы “новой религии”...

Потерпев неудачу в Орле, Маликов, Чайковский и ряд их единомышленников уезжают в Америку, на землю обетованную, с мечтой построить здесь новое общество. Что и говорить, среднерусские чернозёмные просторы, перенаселенные бедным крестьянством, мало подходили для столь масштабных социальных утопий. Впрочем, всего полвека спустя большевики и в патриархальной деревне взялись за строительство мировой коммуны...

“Богочеловеки” основали в Канзасе коммуну под названием “Кедровая долина”, коммуна просуществовала всего два года. По сути, её обитатели оказались в роли робинзонов, которые выросли в достаточно обеспеченных семьях и не умели заниматься повседневным трудом ради выращивания хлеба насущного.

Позднее Маликов жил в Перми, служил, как и в Орле, в управлении железной дороги. Видная деятельница революционного движения Н.А. Головина (Юргенсон) вспоминала в 1925 году о конце 1870-х: “Приехав в Пермь, я поступила на службу в управление Горнозаводской уральской дороги. Управляющим дорогой был инженер Островский, а правителем его канцелярии был Александр Капитонович Маликов... Это был тот Маликов, который вместе с Н.В. Чайковским стал во главе отколовшихся от революционного движения так называемых “богочеловеков”. Учение это было прообразом будущего толстовства, да, вероятно, и мыслям Л.Н. Толстого был дан толчок этим движением...”

Дело в том, что после возвращения из Америки “колонисты” какое-то время жили в имении Толстого, имели возможность встречаться и общаться с писателем.

Сам Толстой нередко называл впоследствии Маликова своим учителем. В статье “К десятилетию смерти Л.Н. Толстого” В.Г. Короленко писал:

“Маликов... часто рассказывал мне о своих беседах с Толстым. Есть все основания думать, что для Л.Н. Толстого, как известно, легко заражавшегося чужим искренним и цельным настроением, идея непротivления впервые явилась под влиянием пламенного красноречия Маликова”.

А сам Короленко познакомился с “богочеловеком”, будучи в ссылке в Перми. Он посвятил ему главу “Александр Капитонович Маликов” в книге воспоминаний “История моего современника”. Как отмечал писатель, в семье Маликовых присутствовали мистическая струйка и вера в сны и предсказания. И даже маленький сын, подпрыгивая на одной ножке, сообщал иной раз новость гостям:

– А папка-м бог, а папка-м бог!

Кто знает, что случилось с этим наивным мальчиком в бурях XX века! Отец его, умерший в 1904 году, был типично русский мыслитель, пытавшийся своей, наверное, все же наивной идеей преодолеть главный раскол в России. Но уже сложившаяся не в одночасье обстановка в обществе, социальные противоречия оказались настолько напряженными, что Маликов и его единомышленники остались в итоге в полном одиночестве. Верх брали те, кто хотел социальных потрясений, кто проповедовал бурю, кто звал на баррикады.

И буря грянула... Оглядываясь на эпоху потрясений и катастроф, надо очень внимательно и терпеливо всматриваться в даль прошлого, чтобы наконец-то разглядеть смиренные фигуры Маликовых на фоне воинствующего ожесточения, неверия и отчаяния. “Стяжи дух мирен, и около тебя спасутся тысячи”, – говорил когда-то Серафим Саровский. Спасутся ли, захотят ли, найдут ли в себе душевные силы люди? Об этом задумываешься, перед тем как поставить последнюю точку в очерке об орловских праведниках Маликовых.

Чинная Лескова

Читая Лескова

В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.

Слово стало плотным и обитало с нами,
полное благодати и истины

(Евангелие)

Николай Семенович Лесков родился 180 лет назад. В соответствии с неписанным “регламентом” в литературных кругах русских столиц прозвучат наборы дежурных восторгов по поводу творчества классика, постарается откликнуться на юбилей и пребывающая под гнетом материального оскудения провинциальная интеллигенция. “Вольная пресса” на преминет легонько, будто невзначай напомнить читателям о наиболее интересных, “читабельных” книгах Лескова, дежурные поставщики исторических сенсаций отыщут новые вопросы и загадки в его сюжетах и фабулах.

Ну а что же останется делать нам, живущим на родине Лескова, тем, кто каждодневно дышит воздухом его Орловщины и может ощутить то живое, природное и духовное поле, которое сформировало душу и характер художника слова?

Я помню первую книгу Лескова, которую прочитал. Книгу в охристой твердой обложке страниц в 200, которую принёс отец в середине 1970-х, – принёс буднично, без лишних объяснений и пожеланий, что именно в ней стоит прочесть.

Книгу, населенную царями, служивыми людьми, купцами, мастеровыми, богомольцами. Оторопь, какой-то страх взяли меня перед этим незнакомым, исчезнувшим миром. Лескова в социалистическую пору переиздавали как диковину, как автора исторических анекдотов...

Это было удивление читателя-подростка не просто перед ушедшим миром, а перед миром мрачным, первозданным, диким (вспомнить хотя бы “Леди Макбет Мценского уезда”). Это была правда, не приукрашенная, но ... принимаемая на генетическом уровне, родная.

Из этой книги я впервые узнал о старинном городе Орле, на окраине которого Голован (похожий на тургеневского Герасима) пас коров. Прочитал о грабеже, о Катерине Измайловой, о чудачествах орловских старожилов, ещё о чём-то орловском... И странно было много позже увидеть признание истинного орловца Лескова: “Меня в литературе считают “орловцем”, но в Орле я только родился и провел детские годы, в затем в 1849 г. переехал в Киев”.

Это говорил не он, а его стремление отгородиться от “орловской школы”, подчеркнуть свой особый путь. Впрочем, Лескову и не надо было подчеркивать свою особенность. Его вообще трудно упрекнуть в стремлении к подражанию, в “книжности”, в перенимании чьей-то творческой манеры. Он сам создал свой стиль, отголоски которого потом мы нередко встречаем у других русских писателей.

Истоки его судьбы и творчества – Орловщина. Он сохранил и передал её дух, её душу: “Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием”. Именно на Орловщине началось формирование Лескова как человека одухотворённого: “религиозность во мне была с детства и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком”. Бабушка брала маленького внука в своих поездках и хождениях по монастырям, его наставником в Орловской

гимназии был отец Ефимий Остромысленский – “хороший друг моего отца и всех нас детей, которых он умел научить любить правду и милосердие”.

Молодого Лескова, входящего в литературный и журналистский мир, принимали как знатока провинции, человека бывалого. Но его совсем не устраивала роль этакого затейливого рассказчика местечковых анекдотов. Он с немотивированной яростью бросал в лицо публике свои признания:

“Я смело, даже, может быть, дерзко, думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе это ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, а так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек, и у меня есть в нем много кумовьев и приятелей, особенно на Гостомле, где живут бородачи, которых я, стоя на своих детских коленях, в оные, бывлые времена, отмаливал своими детскими слезами от палок и розог”.

Да, именно там, на микроскопическом Панинском хуторе, на болотистой речушке Гостомле, отец Лескова, звавшийся дворянином и помещиком, силой заставлял крестьян посещать церковь, сам ходил сеять. Вот, кажется, идеальная картина: отец сеет, а любознательный сын знай себе набирается впечатлений, запоминает, чтобы потом поведать миру. В жизни всё было далеко от идиллии. Девятилетний Лесков увидел страшные сцены голодных времён, а затем и смерть отца. Не сумел окончить гимназии, пошёл в Орле на низшую должность судейского писца и увидел изнанку жизни. И ещё успел в эти считанные годы вкусить сладкую чашу молодых орловских утех...

Везде, буквально во всех его рассказах и очерках оказались разбросаны крупницы неистребимых воспоминаний

об Орловщине (сын Андрей вспоминал, что во время воскресных прогулок отец непременно рассказывал о родных местах, о детстве). “Путеводные колокольчики родины” звучали негромко, но всегда были узнаваемы... Доходило до курьезов. Узнав, к примеру, о том, что есть планы заселения некоторых пустующих балтийских островов русскими людьми, Лесков тут же заметил, что земля здесь “по меньшей мере не хуже сухого, лубянистого суглинка надочного ската в Орловской губернии, где сельских людей одолевает теснота и голодовка”.

А вот другая фраза, ставшая едва ли не гимном нашего города, но почему-то всегда стыдливо усекаемая гордыми за свою родину орловцами: “В Орле, в этом странном “прогорелом” городе, который вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город...” Вслушайтесь: Лесков, несмотря на всю иронию в адрес “многострадального Орла”, полон гордости за свою странную родину, которая горела, да не сгорела, зато подняла такие таланты...

Удивительно, но Лескова в Орле долго не увековечивали. Более того, родные его места были преданы забвению. Беспамятство и невежество стали монетой, которой расплачиваются потомки с художником. Мне довелось в конце 1980-х годов побывать в хрестоматийно известном кромском селе Добрынь, где у местной церкви когда-то были похоронены отец Лескова, другие близкие ему люди. Могильные камни ещё в 1930-е годы оказались приспособлены для каких-то фундаментов, могилы были варварски разрыты, и, по рассказам местных жителей, у заигравшейся детворы приходилось отнимать чей-то череп...

Да ведь и в Орле только совсем недавно (слава застойным 1970-м годам!) поставили достойный памятник, открыли музей. А дело, наверное, заключалось и не в том, что требовалось увековечивать Лескова. Он сам, угадывая или не угадывая будущее отношение орловцев к своей личности,

увековечил старинный Орёл. Ведь главным героем того же рассказа “Несмертельный Голован” был вовсе не сам Голован, а город. Эта вещь написана в первую очередь для самих орловцев. Кому ещё нужны были бы эти подробности? Лесков просто преподнёс подарок... Если собрать воедино щедро рассеянные крупницы запечатленной памяти, получилось бы подробнейшее, живое описание. Никто из писателей-орловцев не оставил в своих книгах столь много живых, неподражаемых воспоминаний о родном городе и родной губернии...

Лесков не только большой русский писатель. Традиционные издания его избранной прозы, собрания сочинений зачастую не показывали читателям всего противоречивого облика Лескова. Ведь он был ещё и очеркист, публицист (кстати, публицист трех столиц – Петербурга, Москвы, Киева), мастер малого жанра во всех его ипостасях. В ранние годы подписывался под язвительными, но достаточно интересными и основательными публикациями “Фрейшиц” – вольный стрелок. В посмертной статье о Лескове, напечатанной в журнале “Северный вестник” были опубликованы редкие по своей емкости строки: “Умный и темпераментный старик с колючими черными глазами, с душою сложною и причудливою... Полный бунтующих страстей. Беспокойного, придирчивого и сильного разума. Он никогда не знал душевного или умственного успокоения. Он громил старое, отживающее и высмеивал новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя к недостаткам, свойственным периоду брожения”.

Мне вспоминается чудный зимний вечер в январе, наверное, в 1994 или 1995 году. Возвращаясь домой с железнодорожного вокзала, встретил на бульваре Победы в Орле Владимира Алексеевича Громова. И полчаса, может быть, больше, слушал его рассказ о том, что занимало нашего

знаменитого литературоведа, весь тот день проработавшего в госархиве. Владимир Алексеевич был воодушевлён:

– А вы знаете, что Лесков-публицист еще совершенно не прочитан? Слава Богу, в Москве взялись за издание его 30-томного Собрания сочинений... Сейчас я тоже участвую в этом деле. Много есть вопросов, не всегда возможно сразу определить авторство в публикациях без подписи, но характерные лесковские интонации помогают почти с уверенностью делать это.

“Биржевые ведомости”, “Вечерняя газета”, “Русский мир”, “Гражданин”, духовная пресса – таким было обширное поле публицистики Лескова. И вскоре, в 1996 году, благодаря труду в том числе и орловских исследователей творчества Лескова вышел первый том Собрания сочинений. У первенца 30-томной серии оказался непривычно большой объем – более 900 страниц. Почти целиком книга состоит из газетных и журнальных публикаций 1859–1862 годов.

Вслушаемся в живой, уверенный голос Лескова:

“В деле народного благосостояния мы шли по пути заблуждения, на котором прежнее самодовольство заставляло нас встречать громким противоречием всякую новую мысль, всякий новый прием к изменению или развитию какого-либо экономического начала [...] и теперь только, раскрыв глаза, мы замечаем, как тесны, как жалки рамки нашего экономического быта. Теперь только мы видим во всей наготе своё упрямство и сопротивление всякому движению, посягавшему на отжившие формы нашего народного хозяйства. С скорбным чувством мы лишаем себя в правдивом сознании громких титл Креза и обладателя неисчерпаемого источника, питающего Европу. Мы пришли к сознанию своей слабости, и это сознание составляет наше благо: оно залог нашего лучшего будущего”. Так начинаются “Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния)”, на экземпляре которых рукой Лескова написано: “1-я проба пера. С этого начата литературная работа...”

В те годы Лесков активно участвовал в заседаниях Политико-экономического комитета при экономическом обществе, неоднократно выступал здесь. Могло показаться, что Лесков – прагматик на немецкий манер: “Рационально то, что ведёт к цели, что уместно и сообразно с временем и обстоятельствами. Никакая хозяйственная система не может быть признана рациональной для всех мест, а потому нужно оставить опыту решить, где что рационально”.

И ещё Лесков как будто предвосхищает Василия Ключевского, когда заявляет: “Не привыкли мы ничего делать миром, незнакомы нам великие успехи ассоциации; нам подавай правительство к нашим услугам, рать-силу великую – и баста”.

Лесков сочувствует своим соотечественникам, размышляя о том, что у народа просто нет возможности пустить свои заработки в дело, а значит, нет и смысла сохранять их. И порой приходит к сакраментальной мысли: “Винovat сам народ” (очерк “Ходебщики по чужим делам и карманам”, 1861).

Лесков был популярным публицистом “эпохи великих реформ”, с которой много общих черт у нашего времени. Его отличало резкое неприятие официозной публицистики, вечное стремление вторгаться в злобу, зависть, в борьбу интересов.

Его талант полемиста, по-моему, был бы кстати в сегодняшней разнологосице (а чаще – в пустыне пустословия) прессы. Однако надо признать, что и сегодня строптивый Лесков был бы неугоден, “не вхож”. Не случайно писатель века XX Даниил Андреев писал: “Таланты-вестники, как Лесков или Алексей Константинович Толстой, оставаясь изолированными единицами, они, так сказать, гребли против течения, не встречая среди современников ни должного понимания, ни справедливой оценки”.

В книгах Лескова (по словам Чехова, он был “похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу”) – постоянная переключка с идеями русофилов, да к тому же земляков, ливенских уроженцев Федора Ростопчина и Николая Данилевского. В самом деле, что лучше – консерватизм или приверженность прогрессу? Основой прежнего крестьянского мира Руси была круговая порука, когда весь мир делился на своих и чужих. Ныне община (общак, клан, “семья”) возродилась в искривленном, искаленном, уродливом состоянии. Прежде это был действительно мир (не антитеза войне, а мир как сообщество) с его жесточайшим обычаем, с верой в Бога. А нынче – раздраз, некое подобие армейской дедовщины...

Народ в книгах Лескова хотя и величественный богатырь, хранитель древнего духа, но неграмотный, забытый. Писатель не случайно так возвышает тульского мастера Левшу, возводя его в ранг национального героя. Эту особенность подметил еще Максим Горький: “Литературное творчество Лескова... становится яркой живописью или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников. Он как бы поставил себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством...”

Лесков писал Льву Толстому в 1893 году: “Умную старину я всегда любил и всегда думал, что её надо бы приподнять со дна, где её завалили хламом... Только надо, реставрируя старое, не подавать мыслей к уничтожению хорошего нового. Надо, чтобы этого ни за что не случилось и чтобы не было подано к тому соблазна”.

Лесков, нередко поднимавший местное, диалектное слово на национальный простор, хорошо знал законы психологии языка. Вслушаемся в малоизвестный отрывок из его рассуждений:

“Во вкусе народном – если кто хочет это проверить, – самыми лучшими прозвищами почитаются прозвища “по страны” (то есть по стране), а “не от имени человека”.

Самое лучшее прозвание у нас идет от края, от города, даже от села, вообще от местности: князь “черниговский”, “одо-евский”, воевода “севский”, “гадячский”, “ломовецкий” барин, “воронецкий” поп, “рятяжевский” староста. Все от “страны”. Старому почетному “седуну” на месте название того места придается, и это есть почет. От “ломовецкого барина” идут дети его, тоже “ломовецкие господа”. И всех таких прозваний “по стране” нет для народного вкуса законнее и “степеннее”. И слух народный на этот счет удивительно разборчив”.

Ухо Лескова было так чутко к прозвищам, к именам не случайно – ведь его бабушка, прозванная в соответствии со святыми “простонародным” именем Акилина, получила от родителей “благородное” Александра и с ним прожила всю жизнь. Истина же открылась только на панихиде...

Кажется, Лесков понимал “чрезмерность” своего знания нюансов народной жизни. В письме Суворину в 1886 году он признавался: “Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как “Микула Селянинович”, которого “тяготила сила” знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас городят пишущие люди, оглядывающие Русь не с извозчичьего “передка” (как мы езжали за 3 целковых из Орла в Киев), а “лётком летя”, из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетом – и наблюдения, и опыты, и заметки”...

Лесков, взявший за правило “ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги”, всё же был неисправимым романтиком. Но разве сам он, на первый взгляд, неуживчивый спорщик, выглядит в связи с этим оторванным от земли мечтателем? Наоборот, в этом квинтэссенция русского национального самосознания, позволившего нашему народу выжить в жестоких условиях, создать великую империю, чьи культура, наука, искусство поднялись

на высочайший уровень. И эту особенность вынуждены были признавать даже признанные западники. Не случайно наш земляк Тимофей Грановский произнёс слова, звучавшие, быть может, даже крамольно для знатока европейской истории:

“Решительный перевес положительных, применяемых к материальным сторонам жизни знаний над теми, которые развивают и поддерживают в сердцах юношества любовь к прекрасным, хотя, быть может, и неосуществимым идеалам добра и красоты, неминуемо приведет европейское общество к такой болезни, от которой нет другого лекарства, кроме смерти”.

Если классическая культура, по мнению Грановского, пронизана “возвышенными чувствами нравственного долга и человеческого достоинства”, то естествознание лишь “сообщает юным умам холодную самоуверенность и привычку выводить из недостаточных данных решительные заключения”. Именно в приверженности естествознанию европейской школы Грановский видел одну из главных причин “развития в образованном поколении Запада той безотрадной и бессильной на великие нравственные подвиги положительности, которая принадлежит к числу самых печальных явлений нашей эпохи”. И это слова убеждённого западника! Впрочем, вспоили его те же воды, что и Лескова...

У Лескова во многом типичный путь в писательство: годы скитаний, рутинной работы, погружения в жизнь. Однако его творческая судьба – это и череда художественных опытов и открытий. Он был мастером сказа, где главный герой даже не Левша (подковать блоху – кураж, кудесничество), а живое слово. Рассказчик – наивный чудак, похожий на ребенка, который, подрастая, открывает мир.

И не только открывает, но и торопится рассказать всем о том, какой он, этот мир. Недаром странник – главный герой многих произведений Лескова.

Уже на склоне лет, многого добившийся и много испытавший, Лесков делал вывод: “литературные занятия не приносят больших выгод... писатели должны жить без излишеств”. И в то же время он по-прежнему завидовал европейским мастерам беллетристики:

“Что тут сколько-нибудь схожего, общего? Первая, не совсем бездарная работишка француза привлекает к себе внимание критики и читателя. Вторая – дает постоянно-го издателя, возможность работать уже не спеша, не ради хлеба на сегодня, не размениваясь на поденщину! А уж мало-мальски интересный или оригинальный роман – приносит все: окрыляющий дух и дарование успех, известность, серьезную оценку критикой, загородную виллу, яхту на Средиземном море, дающие отдых и обновление сил, рвущихся к новым трудам, углубленному творчеству! Как тут не работать, не выработываться дальше, не расти, не “совершать”! Что же вместо всего этого видит наш необеспеченный, хотя бы и бесспорно талантливый, литературный труженик? Брань и травлю вместо учительной критики, каторжную зависимость от кулаков-издателей, от службы, без которой одним писательством не прокормишься, нужду, мелочную, чуть не построчную, спешную работу ради покрытия кругом обступающих нужд. Вот и твори в такой обстановке и совершенствуйся в своём многотрудном искусстве!”

Хочу обратить внимание читателя вот на что. У нас по привычке оценивают рассказ Лескова “Тупейный художник” как лиричную и одновременно жестокую историю времен крепостничества. А ведь это только видимый, поверхностный пласт содержания. “Тупейный художник” – пронзительное повествование о судьбе художника в любом несвободном обществе, в любую эпоху. Не случайно здесь

наличествует слово художник – проще, куда проще было бы назвать главного героя театральным парикмахером. Лесков писал эту вещь в драматические дни, когда из-за крамольных “Мелочей архиерейской жизни” в феврале 1883 года ему предложили “подать прошение” об увольнении с должности в Министерстве народного просвещения. И он ушёл, хотя иные считали решительное поведение Лескова чуть ли не саморекламой (Розанов позднее с сочувствием писал о непризнании обществом Лескова и “почетном литературном благополучии мелких литературных паразитов”).

... Мне вспоминается встреча двадцатилетней давности в заброшенной деревушке на краю Орловского полесья. Оставшиеся здесь люди не общались друг с другом. И тем удивительнее было услышать историю художника. Его дом стоял с опустевшей соседней усадьбой, где уже разобрали избу – остались только печь с трубой, а рядом пересохший колодец с цепью без ведра.

Мой собеседник прежде был художником на заводе, многое оформил в русском стиле. Не складывалась семейная жизнь у сына: родители решили оставить его семье квартиру и уехать. Устроился в лесничество: по уши в масле и грязи. Жене негде работать. Тёща-старушка кое-как отошла от потрясения. Местный люд относится к ним с подозрением: “С чего же сбежали из города? Нечисто тут”. Пересуды, споры – местные обижались, если художник показывал приезжим из города, своим приятелям грибные места в лесу. А ему эти обиды в диковинку: леса-то огромные, безлюдные вовсе.

Директор совхоза решил у него 15 соток огорода обрезать. Абсурд, казалось бы, – деревня сплошь бурьяном заросла. Вызывали в суд, в прокуратуру. Случайно об этом деле узнал знакомый адвокат, а у него приятель в районе. Позвонил ему, тот директору – всё уладилось, успокоился, неугомонный. Благо скоро на его место пришёл новый – дал в аренду десять бычков, списанный трактор.

Художник и тут занялся резьбой по дереву, отделал красный уголок, ещё что-то. Украсил два дома, которые строило в совхозе лесничество. Директор, недолго думая, заключил: “Я этого не просил, это не по договору, а значит, пусть лесничество и платит”.

Отверженность художника, его приниженное положение по отношению к власти имущему, власть произвола – вот те вечные проблемы, которые с непостижимым постоянством генерируются вновь и вновь не только каждой новой эпохой, но и каждым поколением, каждым десятилетием...

Перечитывая Лескова, сердцем ощущаешь давление прошлого на день сегодняшний, на наши взгляды и представления. И в то же время осознаешь, что прошлое ушло безвозвратно. От сознания этого избавиться невозможно: мучает какая-то сладостная боль потери, отказаться от которой значило бы отказаться от себя. К чему же может привести в итоге употребление этого сильного “духовного наркотика”?

Как первый шаг – к переосмыслению многого из того, чему мы стали свидетелями в последние годы. К переосмыслению подчас горькому, драматическому. Не случайно Лесков предельно откровенно отозвался на одну из статей о нем, имевшую задевающее название “Больной талант”. Он написал в ответ: “Я бы, писавши о себе, назвал статью не “больной талант”, а “трудный рост”. Дворянские традиции, церковная набожность, узкая национальность и государственность, слава страны и т. п. – во всём этом я вырос, и всё это мне казалось противно, но я не видел, «где истина!»”.

Живой голос писателя слышен сквозь десятилетия забвения и бури революций. Как многое менялось при жизни Лескова (а уж тем более темп перемен стал яростным в веке XX)! Где же истина? Знаем ли мы, живущие на самой заре

третьего тысячелетия, где же истина? С какой горечью звучат слова одного из его современников: “Раздался свисток судьбы, декорации переменены, и я из либерала, насколько не меняясь, стал консерватором”.

Читая Лескова, мы вновь и вновь убеждаемся, как потускнел, обеднел народный язык за минувшее столетие. А ведь народная речь питает литературу. Нам очень не хватает сегодня Лескова (или современного писателя такого же масштаба, умения видеть жизнь)! Нам его не хватает, чтобы постичь дух народа, показать духовное состояние современного общества. Показать, осмыслить войну на Кавказе. Показать зарождение нового сословия – торгово-предпринимательского, авантюрного (чего стоит, например, совет Лескова одной знакомой: “Бедниться никак не надо: от этого “лохмотьем пахнет”, и это роняет человека на рынке”).

Впрочем, нет смысла продолжать этот ряд, перечисляя темы, о которых мог бы написать Лесков... В “посмертной просьбе” он запретил надгробные речи о себе. Но нельзя запретить Слово и Память.

Загадка доктора Якоби

Загадка доктора Якоби

В конце XIX века монотонная жизнь провинциального Орла была нарушена событием, выходящим из рамок обыденного. Приглашенный земством на должность главного врача психиатрической больницы Павел Якоби произвёл настоящую революцию в этом заведении, служившем прежде заповедником невежества и жестокости.

Новоявленный доктор не нашёл в больнице даже воды или какого-нибудь умывальника, хотя в наличии был почти весь набор орудий пытки, сохранившийся с незапамятных времен. Доктор начал бороться за чистоту с не меньшей силой, чем за милосердие к несчастным людям. Профессионал в своём деле, он ставил отношение к пациентам так же высоко, как и конкретные методы лечения. И чудо не заставило себя ждать. В больнице не только воцарился порядок, но и появилось нечто неслыханное. Для забитых прежде пациентов устраивались теперь спектакли, литературно-музыкальные вечера.

Якоби стал героем местных пересудов, и за ним начала закрепляться репутация чудака. Казалось, он сам лишний раз хочет подчеркнуть свою оригинальность. В Орле говорили, будто бы Якоби собирается обратиться в Святейший синод с просьбой... отменить посты. Свои намерения дотошный доктор обосновывал тем, что, по его статистике, чрезмерное пьянство после строгих постов является причиной рождения множества детей с отклонениями в развитии.

Когда Орловское земство предложило главному психиатру исследовать причины кликушества в западных уездах

губернии, Якоби немедленно отправился в экспедицию, а вернувшись из глухомани, сделал малоутешительный вывод: “Кликушество исчезло в Европе, но, к стыду нашему, сохранилось в России. Число кликуш в Орловской губернии ужасающе!” Но Якоби предложил не посылать в уезды отряды врачей и не строить специальную больницу, а попросту проложить в эту лесную глушь дороги и устроить ярмарки, разумные развлечения. Якоби был уверен, что причина массовых психических расстройств – дикость, замкнутость, первобытный уклад жизни.

Что еще добавить к портрету орловского врача Павла Якоби? Особый смысл, таинственный оттенок его поступкам придавали слухи о прошлом этого человека. В Орле не без любопытства поговаривали, что Якоби – из бывших заговорщиков, что он – государственный преступник, член тайной организации. Будто бы сражался против царя во время польского восстания, был врачом в армии Гарибальди.

И тут, конечно, было что возразить. Разве истинный революционер может снизойти до того, чтобы причиной отсталости народа называть иные причины, кроме господствующего самодержавия? И зачем затевать ярмарки, которые мизер в сравнении с социальной революцией? Но вопросы так и оставались вопросами – кто бы мог подумать даже намекнуть Якоби на столь щекотливую тему...

Сегодня, по прошествии многих лет, о многом можно говорить открыто. К сожалению, конспирация сделала своё дело, скрыв массу фактов от постороннего глаза. Но и то, что известно, позволяет сделать вывод: орловский психиатр Павел Якоби был одним из выдающихся деятелей революционного движения Европы.

МЯТЕЖНЫЙ ПОРУЧИК

Павел Якоби (в другой транскрипции – Якобий) родился в 1842 году в Казанской губернии. Колоссальное влияние на подростка оказал старший брат Валерий, будущий художник, а в то время студент Казанского университета. Во время Крымской войны Валерий вступил в симбирское ополчение, а несколько позже и Павел стал юнкером Михайловского артиллерийского училища в Петербурге. Учился он весьма успешно и в восемнадцать (по другим данным – в двадцать) лет был принят в Артиллерийскую академию. Кто знает, возможно, Россия со временем имела бы в лице Якоби выдающегося генерала или профессора-механика. Но годы были переломные, когда в стране, казалось, всё двинулось в неведомую даль то ли революций, то ли реформ...

Павел Якоби подал прошение об отставке и уехал на учебу за границу, в Гейдельбергский университет, который был основан еще в середине XIV века и по праву считался самым знаменитым и старейшим в Германии. Здесь в своё время учился, а затем преподавал Гегель. Здесь были самые престижные в Германии юридический и естественнонаучный факультеты, и вообще особой традицией университета являлся новаторский, междисциплинарный подход к науке. Звездный час переживал и медицинский факультет, где преподавал талантливый медик Хелиус – последняя надежда тысяч пациентов. Неудивительно, что именно в Гейдельберге сформировалась обширная русская колония, которую один историк назвал “лабораторией русской свободной общественной мысли”.

Вскоре Якоби уже пользуется доверием в революционных кругах. И каким доверием! Якоби было поручено вести подпольную работу среди русских офицеров в России и в Польше с

тем, чтобы они выступили против царя, на стороне польских повстанцев. Конечно, рассчитывать на осуществление столь фантастического проекта было маловероятно. Но вот один любопытный факт: именно в этот период была раскрыта тайная организация в Казани. Не к Якоби ли тянулись нити заговора? Во всяком случае, следствию не удалось обнаружить их...

Якоби лично принял участие в польском восстании, был тяжело ранен, а затем руководил в качестве начальника штаба формированием в Галиции отрядов, их обучением, а также проведением стратегических операций против русских войск.

И опять не без удивления мы можем сказать, что юного Якоби ждала блестящая карьера военного. Но восстание было разгромлено, и Якоби, оставшись за границей, перебивается случайными заработками, давая уроки в семьях русских эмигрантов.

Можно дать волю фантазии и представить встречу братьев в каком-нибудь европейском городе. Дело в том, что Валерий тоже оказался фактическим эмигрантом. Будучи близок различным кружкам молодежи, он уехал за границу ещё в 1861 году и на целых восемь лет. Благо повод у него был вполне лояльный. Валерий в 1857 году поступил в Академию художеств, его картины непременно были “гвоздём” всех академических выставок и отмечались медалями. Так что путешествовал по Европе как вольный художник, по традиции того времени.

Отставной поручик, изменивший родине, одинокий скиталец Павел... И Валерий – маэстро, весельчак, признанный талант, получивший Большую золотую медаль Академии художеств за свою знаменитую картину “Привал арестантов”. Братья...

Павел Якоби становится одним из самых заметных представителей в рядах “Молодой эмиграции”, членом организации “Земля и воля”. Знакомится с Герценом, которому был рекомендован с самой лучшей стороны, как мужественный и верный человек. И здесь же начало раскола с Герценом. Камнем преткновения стал “Колокол”. Якоби и другие лидеры “Молодой эмиграции” решительно вы-

ступали за то, чтобы превратить “Колокол” в орган революционного центра. Герцен, напротив, сомневался в возможности руководства революционным движением из-за границы. Были дискуссии, попытки найти компромисс, а потом наступил полный разрыв...

Якоби, несмотря на неудачи, ищет себя. В 1870 году он – доброволец в армии Гарибальди, защищает Париж. В том же году выходит в свет его и В.А. Зайцева статья “О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения”, где впервые на русский язык переведены обширные выписки из “Капитала” К. Маркса. Не случайно в 1866 году редактор русского журнала “Дело” Г.Е. Благодетлов писал Павлу Якоби: “Пока давящая сила не ослабнет, пишите серьезные статьи по естественным наукам, но только не касайтесь религии. Пока это строго запретный плод”.

Это были годы его становления как врача. После окончания медицинского факультета университета в Цюрихе Якоби становится доктором медицины Бернского университета (1867), Парижского университета (1870), членом Мадридской медицинской академии (1876).

Женой Якоби стала “княжна Голицына”. Кавычки здесь не случайны – речь идет о сестре известного сотрудника “Русского слова”, а затем эмигранта В.А. Зайцева. С конспиративной, революционной целью Александра Зайцева оформила фиктивный брак с князем А.С. Голицыным, причастным к делам заговорщиков. А потом столь же легко оформила развод и вышла замуж за Павла Якоби.

Именно благодаря своей жене Якоби стал известен в Орле задолго до приезда в этот город. Видимо, Шурочке Зайцевой – Якоби был симпатичен литературный дар её брата, и она сама пробовала перо. В июне 1870 года в российской газете “Неделя” в нескольких номерах появились её воспоминания об участии в боевых действиях в отряде Гарибальди. Эти строки Александры Якоби были широко использованы Николаем Лесковым в его повести “Загадочный человек”, посвящённой революционеру Артуру Бенни.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что же заставило Павла Якоби, признанного медика, увлеченного революционера, в конце концов вернуться в Россию, где его ждали, быть может, суд и каторга?

В Орле была распространена версия, что на судьбу Якоби повлияла в решающей степени встреча с Марией Александровной, женой Александра II. Та, будто бы прослышав о способностях опального врача, пожелала встретиться с ним и вручила Якоби записку, которая должна была убедить его от неприятностей при возвращении в Россию.

Так это или нет – судить ныне трудно. Во всяком случае, тотчас после пересечения границы в 1890 году Якоби был арестован, а после отсидки в тюрьме отправлен в Тверь под надзор полиции. Спустя три года губернское земство пригласило его в Орёл...

Так после Женева этот чрезвычайно оригинальный человек оказался в Орле. Провинциалов поражало в нем многое. И даже то, что у Якоби была одна из самых больших в городе библиотек – около 15 тысяч томов. Якоби сразу же становится членом Орловской ученой архивной комиссии (его живые реплики запечатлены в протоколах заседаний). В Орле он публикует свой фундаментальный труд – книгу “Основы административной психиатрии”.

Подолгу и часто путешествуя по губернии, добираясь до самых дальних селений, доктор спешил не только по своим врачебным делам. Всегда под рукой была записная книжка, куда он заносил названия деревень, речушек, урочищ. Итогом многолетней работы стала книга

“Вятичи Орловской губернии”, в которой он на примерах названий доказывал происхождение жителей западных уездов от вятичских племен. Поэтому, утверждал автор, так распространены здесь дикость, невежество.

Что ж, гипотеза требует особого разговора. Но вот что ценно. Якоби первым сделал интереснейшую попытку составить словарь географических названий Орловщины – едва ли не самую крупную за всю историю. А главное, за минувший век почти никем не продолженную...

Якоби был, конечно, местной достопримечательностью и как остроумец, человек бурного темперамента. К примеру, его взбесило, когда из деревни привезли в телеге психически больного крестьянина, скованного по рукам и ногам цепями. В ярости доктор потребовал от помощницы немедленно сообщить об этом губернатору, прокурору, ещё выше. А когда два дня спустя помощница призналась, что ничего этого не сделала, Якоби сокрушённо махнул рукой...

Остроумие было чертой поистине наследственной. Илья Репин вспоминал о брате Валерии Якоби, который к тому времени уже руководил кафедрой исторической живописи в Академии художеств (работы В.И. Якоби, кстати, представлены ныне и в Орловском музее искусств):

“Когда случались за ужином Трутовский и Якоби, они садились визави, и весь ужин тогда превращался в турнир остроумия между ними: прочая публика невольно превращалась в громкий хор хохота; стены узкой столовой дрожали от всеобщего смеха публики, надрывавшей себе животы...”

А Павел Якоби, зная о жестокой придирчивости цензоров, следивших за содержанием либерального “Орловского вестника”, однажды посоветовал его сотрудникам: договоритесь с газетами других губерний и посылайте острые материалы для печати друг другу. Авось губернская цензура не обратит внимания на статьи “со стороны”, а подписаться на газету соседей не проблема.

Облик Якоби противоречив и загадочен. Он как бы вместил в себя судьбу двух совершенно разных людей. Один – революционер, со всей дерзостью и бесстрашием готовивший восстание в России. Другой – избрал роль провинциального врача, неглупого, немного ироничного человека. А может быть, это была лишь маска, призванная скрыть истинные мотивы его возвращения в Россию? И, напротив, будь его отход от революционной борьбы искренним, чем он был продиктован? Усталостью, неверием или же сознательным выбором иного пути – не мятежника, а врача (помнится, Герцен говорил прямо противоположное: “Мы не врачи, мы – боль”)?

Приведу только одну цитату из воспоминаний его знакомого – журналиста Ивана Белокопского: “Всесторонне образованный, много повидавший на своём веку, он живо и с большим юмором охарактеризовал западноевропейскую и русскую жизнь, сделав чрезвычайно пессимистический вывод как для Запада, так и для нас”.

Якоби пережил многих своих товарищей по эмиграции – он умер в Петербурге в 1913 году, на восьмом десятке лет, увидев то, о чём, быть может, мечтал всю жизнь, – первую русскую революцию. Такой ли она виделась ему в спорах с Герценом? Понять противоречивую судьбу Якоби – не значит ли это для нас открыть что-то новое в загадке России...

Провинциальное Отечество

Провинциальное Отечество

Василий Иванович Сергеевич родился в Орле 19 марта 1832 года в богатой дворянской семье. Усадьба Сергеевичей располагалась там, где на крутом берегу Орлика начинается современная улица Салтыкова-Щедрина.

Прадед – купец 1-й гильдии Никита Тимофеевич Анциферов (Анциферов, Анцифоров) – поставлял в Москву и Петербург хлеб, пеньку, мёд, скот. Имелись у него лавка во второй линии Гостиного двора в Орле, множество амбаров и четыре дома. Семья у Никиты Тимофеевича и его жены Марьи была большая – шесть сыновей и дочь.

Как и отец Тимофей, и дед Григорий, Никита постоянно занимал в Орле разные выборные должности, к тому же носил почётные звания степенного и именитого гражданина. Когда статус Орла резко возрос (город стал центром вновь учреждённой губернии), именно Никиту в 1782 году избрали городским головой. Эту должность он занимал до реформы 1785 года (знаменитая екатерининская “Жалованная грамота городам”).

В январе 1794 года Никита снова был избран городским головой Орла, но отказался от должности “за обстоятельствами крайней его необходимости”. Тогда Городская дума большинством голосов заочно выбрала городским головой его брата Ивана Тимофеевича – купца 1-й гильдии, именитого гражданина, также владевшего множеством хлебных амбаров и даже речными судами. Но и Иван не уделял особого внимания высокой должности и городским заботам, месяцами пропадал в Москве по своим коммерческим делам. Дело дошло до того, что в январе 1795 года

губернатор отправил его в отставку “по случаю неоднократных его и прежде сего таким же образом отлучек без надлежащего его главы в должности бдения”. Иван Анцыферов с облегчением передал бразды орловского правления другому “голове”.

Никита Тимофеевич вместе со второй женой Варварой Павловной с 1827 года являлся владельцем села Сабурова (бывшей вотчины графов Каменских) и деревни Хмелевой под Орлом, а также села Яковлева (это место мы ныне знаем как родину известной поэтессы Елены Благиной). Анцыферовы в те времена слыли богачами – имели более 1100 душ мужского пола. Сын Никиты Тимофеевича Дмитрий приходился дедом Василию Сергеевичу по матери: Матрёна Дмитриевна Анцыферова вышла замуж за Ивана Ивановича Сергеевича и получила в наследство 13 крестьянских дворов в Яковлеве (334 души).

Родители, мечтая о будущей карьере сына, решили отдать его в открывавшийся в 1843 году в Орле кадетский корпус. Так совсем юный Василий Сергеевич оказался в числе самых первых орловских кадетов. Но что-то явно не ладилось в его учебе, особенно, как вспоминали позднее преподаватели, “хромали” иностранные языки. Промучившись пару лет, недоросль упросил родителей забрать его из кадетского корпуса – военная карьера не состоялась.

Ещё пару лет Василий обретался на домашних харчах. А разве эта история не была типичной для провинциальных подростков? Двумя десятками лет прежде в Орле от скуки умирал еще один такой “двоечник” – Тимофей Грановский, чьи каникулы растянулись на целых три года... Наконец желание учиться пробудилось во взрослеющем орловце, и он отправился в Москву.

Только в 21 год (!) окончил 4-ю Московскую гимназию, зато с золотой медалью. Тогда же поступил на юридический факультет Московского университета. В

гуманитарном университетском образовании тех лет доминировали исторические науки (в этой сфере уже блистал профессор Т.Н. Грановский, который читал лекции и на юридическом факультете). Борьба западников со славянофилами обостряла интерес ученых мужей к русской истории. Не оказался в стороне и студент Василий Сергеевич.

Почти четыре с половиной года после окончания университета он служил преподавателем законоведения в 1-й Московской гимназии, а в начале 1860-х годов в числе 100 “профессорских кандидатов” был командирован на стажировку в Западную Европу – в течение трёх лет слушал лекции в Гейдельбергском, Берлинском и других университетах, работал в крупнейших библиотеках, знакомился с законодательством Франции, Германии, Англии. Его главные научные интересы постепенно сосредоточивались вокруг истории, ради этого он даже просил продлить на год срок заграничной командировки. Итогом стала серия публикаций В.И. Сергеевича в авторитетнейших научных изданиях России, а также диссертация на степень магистра государственных наук по теме “Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей”.

Эта работа вызвала не только оживленный диспут во время официальной защиты (1867), но и массу рецензий в научной периодике. В своей диссертации Сергеевич представил вече как самостоятельное явление в древнерусском общественном и государственном строе, – явление, которое не было создано князем, но составляло первоначальную форму бытия. С его точки зрения, немаловажную роль в крушении на Руси вечевого строя сыграло монголо-татарское завоевание. Примечательной чертой древнерусской государственности Сергеевич считал её договорной характер: “История княжеских отношений есть не что иное, как история договоров”.

Несмотря на спорный характер ряда положений, в 1868 году Академия наук удостоила труд В.И. Сергеевича Уваровской премии. Один из академиков, рекомендовавший работу к награждению, отмечал в своём отзыве: “До сих пор у нас не было столь подробного и добросовестно-тщательного исследования о вече. Заслуга г. Сергеевича заключается не столько в собрании материалов, сколько в их строгой группировке и в извлечении из них тех данных, которые проливают свет и жизнь на наше отдалённое прошлое”.

Вскоре молодой ученый был назначен на должность доцента юридического факультета Московского университета по кафедре государственного права, а уже в 1871 году защитил докторскую диссертацию на тему “Задача и метода государственных наук”. Это было фундаментальное исследование, где анализировалось развитие наук о государстве и праве в Германии, Франции и Англии в XIX веке. Сергеевич стал профессором университета, в 1872 году переехал в Петербург. Его важнейшие работы в северной столице – “Земские соборы в Московском государстве” (проведено сравнение с французскими Генеральными Штатами и английским представительством в его первоначальном виде), руководство изданием многотомной серии “Материалы Екатерининской Законодательной Комиссии”, книга “Лекции и исследования по истории русского права” (объем – более тысячи страниц), двухтомник “Русские юридические древности” и т. д.

В учёном мире В.И. Сергеевич завоевал репутацию одного из самых авторитетных исследователей истории Русского государства и права. Он был назначен деканом юридического факультета Петербургского университета (1888), удостоен звания заслуженного профессора (1893).

14 ноября 1897 года В.И. Сергеевич был назначен ректором Императорского Санкт-Петербургского университета (таково было официальное наименование) на

четырёхлетний срок. Однако проработал Василий Иванович на этой должности всего год и восемь месяцев – до 21 июля 1899 года. Пытаясь предостеречь зачинщиков студенческих волнений, умудрённый жизнью правовед официально пригрозил им соответствующими статьями законодательства. В ответ студенты во время торжественного акта университета 8 февраля демонстративно покинули зал в момент выступления ректора. С пением “Марсельезы” они направились к Невскому проспекту, но были встречены конной полицией, которая для успокоения применила нагайки. В результате несколько студентов получили увечья, более десятка было арестовано. Студенческая сходка спустя два дня приняла резолюцию: считать университет закрытым. Началась забастовка, охватившая многие учебные заведения России. В этих обстоятельствах В.И. Сергеевич принял решение оставить пост ректора.

Он вернулся к своей любимой работе исследователя. В 1900–1902 годах была напечатана серия статей под общим названием “Древности русского землевладения” (на материалах писцовых книг XIV–XVII веков), в 1904 году – небольшая книга “Русская правда в четырех редакциях” (по признанию одного из профессоров-москвичей, “бесспорно лучшее из всех изданий памятника”), в 1905-м – большая статья “Военные силы Московского государства”, в 1906-м – “Всеобщее избирательное право” (видимо, отголосок учреждения в России в 1905 году Государственной Думы, причем крайне любопытен вывод автора – авторитетнейшего юриста, кстати, скептически относившегося ко всеобщему избирательному праву: “Избирательные законы, конечно, имеют большую важность; но и здесь, как вообще в жизни, не всё дело в законах, а прежде всего в людях”).

В январе 1907 года В.И. Сергеевич был назначен членом Государственного Совета, здесь он активно работал, часто выступал по важнейшим вопросам. В 1910 году Министерство народного просвещения присудило ему премию

графа М.М. Сперанского. Это была последняя награда профессора, который пользовался всеобщим уважением, любовью студентов (даже после ухода в отставку с поста ректора аудитория во время его лекций по-прежнему ломилась от желающих присутствовать). В.И. Сергеевич был энергичен, настойчиво вёл исследования до последних дней своей жизни. Он умер 26 ноября 1910 года.

В 2004 году в Москве в серии “Русское юридическое наследие” переиздана книга В.И. Сергеевича “Лекции и исследования по древней истории русского права”. В аннотации к ней сказано: “По признанию специалистов, это лучший учебник по истории русского права из всех, когда-либо создававшихся в России”.

Эпоха Надежды Семёновой

Эпоха Надежды Семёновой

“**Е**пасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории”, – писал когда-то поэт Пётр Вяземский. “Эпохой Надежды Семёновой” мы можем назвать полтора-два десятилетия в летописи города Орла конца XIX века, когда темпы не только технического (коммунального, бытового), но и прежде всего темпы социально-интеллектуального развития города, причём развития не искусственно насаждаемого, а самодеятельного, достигли своего пика. Именно Надежду Алексеевну Семёнову, издательницу и редактора первой частной газеты в Орле, можно назвать олицетворением того периода в городской летописи: купеческая внучка в считанные годы стала крупным общественным деятелем, генератором просвещения и социальной активности.

Надежда Алексеевна ввела на страницах “Орловского вестника” ряд новых отделов, а главное, привлекла к работе талантливых литераторов и журналистов – в первую очередь будущего лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина. “Орловский вестник” снискал высокий авторитет у читателей благодаря публикации острых, злободневных материалов о проблемах общественной жизни, местного самоуправления, культуры. Постоянно печатались материалы, посвящённые местной истории и краеведению, а в беллетристическом разделе – произведения И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других писателей. Редакция имела большую общедоступную библиотеку...

Итак, то была весьма бурная пора в развитии города. К примеру, в 1864 году в Орле был открыт общественный банк. В последующие годы – институт благородных девиц и реальное училище, начало работать губернское земское собрание, в город пришла железная дорога, открылась одна из первых в России биржа, в 1879 году введён в эксплуатацию мост через Оку, в следующем году – мост на Орлике и т. д. В Орле располагались гимназии, духовная семинария, кадетский корпус. Здесь издавалась одна из первых в стране частных газет – “Орловский вестник”. Появляются первый телефон, фонограф, кинематограф и т. д.

Орёл рубежа XIX и XX веков – один из крупных, наиболее значимых городов Российской империи: 30-й по численности населения (перепись 1897 года). Более того, в границах современной России Орёл занял бы 13-е место. Значимость города определялась, однако, не только его выгодным географическим положением, солидным объёмом производства или количеством населения. Главное то, что в Орле – городе интеллигенции, дворян, военных, купцов – жили активные, самостоятельные граждане, без которых любая идея так и осталась бы только идеей.

Эти годы можно было назвать весной жизни в провинции, эпохой расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем искреннего стремления к свету. Русских охватило лихорадочное движение вперед, молодежь мечтала о самообразовании и просвещении народа, хотела сделать счастливыми всех. Каждый год орловцы становились свидетелями и участниками таких событий, которые прежде и не снились провинциальному Орлу.

Например, массовое (в нем приняли участие 12 тысяч человек) народное гуляние в Орловском городском саду для сбора пожертвований в помощь раненым воинам – освободителям Болгарии. Балканская война всколыхнула все слои местного общества, ведь она превратила турецкую

провинцию в свободное государство, вчерашних рабов сделала европейскими гражданами, получившими все конституционные права и гарантии. Но могли ли русские братушки мечтать о такой же свободе у себя дома? Сразу после войны о необходимости конституции стали говорить всюду, к царю посыпались обращения даровать России, по примеру Болгарии, “истинное самоуправление, неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати”. Может, благодаря этим надеждам и был праздник в Орле таким искренним, незабываемым?

Началось всё с пушечных выстрелов в два часа дня, потом грянула медь военных оркестров. Звучали колокола, церковный хор певчих, работали карусели, тир, кукольные театры, публику звали на спортивные соревнования, даже хор цыган участвовал в общем действе. В парке над Окой собирали деньги для воинов, работали благотворительные базары. А вечером начались фейерверки и иллюминации. Впервые в Орле вспыхнула электрическая вольтова дуга, загорелись вензеля славянских князей Николая, Милана и российского императора.

Подъём общественного настроения в Орле сопровождался реальными шагами по обустройству города, развитию общественного самоуправления и благотворительности. Вот только факты. В 1880 году создана частная женская гимназия, Орловское медицинское общество открывает родильный приют для бедных рожениц (1893), появилась частная школа кройки и шитья (1893, с 1895 года – профессиональное училище, с 1905-го – частная женская гимназия), учреждено Общество вспомоществования бедным учащимся низших учебных заведений (1896).

В 1884 году на средства купца А.И. Хлебникова было открыто женское начальное бесплатное училище, в 1891 году устроен Дом трудолюбия для “временного призрения бесприютных бедных, нуждающихся в работе и пропитании”.

В 1887 году была создана оспенная лаборатория С.К. Живописцева. В целом в это время в Орле насчитывалось 35 врачей. Необходимо особо подчеркнуть, что местное сообщество было крайне озабочено необходимостью борьбы с эпидемиями, улучшением санитарного состояния города – ведь, по статистике, смертность в Орле оставалась одной из самых высоких в России. В 1879 году в Орле были отведены площадки для городских свалок, в иные места сваливать мусор запретили. В 1886 году начали работать общественные городские скотобойни, все частные заведения подобного типа были закрыты, в 1888 году развернулось строительство нового городского водопровода, ужесточены санитарные правила для населения. Проведение водопровода в частные дома началось в 1890 году.

Местная интеллигенция понимала, что позитивных сдвигов добиться в одиночку невозможно. Поэтому крайне динамичным был процесс создания структур гражданского общества. Помимо многочисленных земских учреждений назовём ряд общественных организаций, появившихся всего лишь за одно десятилетие: Петропавловское православное братство (1887), комитет народных чтений (1887), Орловское вольное пожарное общество (1888), музыкально-драматический кружок (1889), частная рисовальная школа (1889), общество велосипедистов (1892), общество любителей изящных искусств (1894), шахматное общество (1894), общество покровительства животным (1894), Тургеневская бесплатная читальня комитета народных чтений (1894), епархиальная духовная библиотека-читальня (1894), ветеринарное общество (1895) и т. д.

Особая веха в этом перечне – первое заседание Орловской губернской учёной архивной комиссии, которое состоялось 11 июня 1884 года. Становление краеведения по времени не случайно совпало с началом стремительного разрушения основ патриархального общества в России. Быстро обновляющаяся жизнь создавала качественно новые

условия (в экономике, политике, общественной жизни) и соответственно утверждала иные духовные ценности. Одновременно в прошлое уходил громадный пласт культуры. Но на фоне этого стремительного обновления, меняющегося быта уходящая “старина” сохраняла свою притягательность как культурная ценность, порождала растущий интерес к себе, стремление описать, зафиксировать. Краеведение и стало феноменом разрушающегося традиционного общества: оно пыталось выразить культурную значимость прежних ценностей местного общества и по возможности их сохранить.

Почему губернская ученая архивная комиссия была открыта в Орле одной из первых в ряду подобных учреждений в России? В нашей губернии к тому времени созрели основные предпосылки в виде устойчивых культурных традиций и круга лиц, заинтересованных в собирании и изучении местного исторического материала. Несмотря на готовность к серьезной работе на ниве “древлеведения”, в Орле не было университета или научного общества. Поэтому, как надеялся автор проекта о ГУАК директор Петербургского Археологического института Н.В. Калачов, идея создания комиссий вполне могла увлечь представителей местного культурного сообщества. В советское время бытовало мнение, что губернские ученые архивные комиссии были учреждениями искусственными, “продиктованными” сверху. В отдельных работах 1930-х – 1950-х годов прямо говорилось о том, что подобные комиссии насаждало самодержавие, чтобы отвлечь народные массы от злободневных вопросов современности и от классовой борьбы. Сегодня есть все основания сказать, что это был крайне вульгарный взгляд на общественно-культурную жизнь в провинции.

Процесс складывания историко-архивного общества был длительным. Он опирался не только на силу директивных указаний из центра, но и на мощную культурную инициативу

“снизу”, со стороны провинциальных любителей древностей, без которой проект Н.В. Калачова не имел бы поддержки на местах. Идея создания губернских ученых архивных комиссий упала на подготовленную почву. Мы видим, что местные любители старины восприняли идею организации научного общества с энтузиазмом. Орловская губернская учёная архивная комиссия стала выпускать периодические издания, организовала краеведческий музей, проводила выставки и юбилейные мероприятия.

Итак, кого из “круга лиц”, способствовавших созданию условий для появления ГУАК, хотелось бы назвать? Примеры таких ярких представителей эпохи – краевед и педагог Гавриил Пясецкий, редактор газеты Надежда Семёнова, владелец книжного магазина Владимир Кашкин, врач Семён Живописцев, чиновник Аркадий Пупарев, преподаватель 2-го Орловского духовного училища Яков Горожанский, железнодорожный врач и библиофил Андрей Лебедев, священнослужитель и педагог Илья Ливанский, преподаватель кадетского корпуса Николай Тарачков...

Преобразовать основанный Тарачковыми “Орловский справочный листок” в знаменитый “Орловский вестник” было суждено известному литератору Александру Чудинову, а после его отъезда в Петербург на “редакторском мостике” появилась Надежда Семёнова.

Её отец, Алексей Андреевич Семенов, был сыном вологодского отставного штабс-капитана. В молодости служил в Петербурге, где женился на дочери царского конюшего Калерии Сомовой. Его избранница блистала в столичном свете своей красотой. Но после того как муж ушёл в отставку, семья переехала в Вологду. И здесь Калерия Александровна была в центре внимания на всех балах. Она умерла вскоре после рождения второй дочери – Елизаветы.

Алексей Андреевич занимал весьма скромную должность казначея земской управы и имел чин титулярного советника. Зимой 1873 года сани, в которых ехал губернский казначей, провалились под лед. Отец Семеновой простудился и вскоре умер. Так Надежда в 12 лет осталась круглой сиротой...

Заботы о её воспитании взяла на себя бабушка, Елизавета Алексеевна. Надежда вместе с сестрой окончили училище для благородных девиц, где на хорошем для провинциальной Вологды уровне преподавали музыку и иностранный язык, обучали воспитанниц рукоделию и ведению домашнего хозяйства. Вологда, славившаяся прежде кружевами, приобретала в то время и несколько иную славу. Дело в том, что с середины XIX века Вологда и Вологодская губерния превратились в место ссылки. Это, в конечном счёте, определило и будущую судьбу юной Наденьки Семеновой. В девятнадцать лет она вышла замуж за ссыльнопоселенца из Ельца Бориса Шелехова...

Молодожёны вскоре переехали из Вологды в Орёл. Надежда получила хорошее приданое от бабушки и поэтому на новом месте смогла (правда, не сразу, а по прошествии четырёх лет) купить собственный дом заодно с располагавшейся в нем газетой “Орловский вестник” и типографией. Здесь, в Зиновьевском переулке в Орле, родился её первенец – Юрий, а затем второй сын – Вадим.

Редакция была “семейным предприятием”, и один из сотрудников вспоминал о том, какое контрастное впечатление произвела на него первая встреча с владельцами газеты в 1886 году. О нашей героине он написал так: “Вошла молодая, симпатичная, пухленькая блондинка, фактическая владелица газеты госпожа Семенова”.

И о Шелехове: “Это был низенький, черненький и необыкновенно нервный человек. Он все ерзал на стуле, мял руками бумажки, стучал по столу карандашом и беседовал со мною, потупив глаза, словно бы конфузился смотреть на меня”.

На противоречивом фундаменте, на бедности и на не сбывшихся во многом надеждах был построен бумажный кораблик, на парусах которого было гордо выведено “Орловский вестник”. Начиналось долгое плавание в море провинциальных невзгод и проблем, плавание, ставшее достоянием истории во многом благодаря имени Ивана Бунина, которого Шелехов и Семенова настойчиво звали на работу...

В романе “Жизнь Арсеньева” Иван Бунин вывел Семёнову под иной фамилией – Авилова. Фамилия, может быть, самая обычная для российского читателя, но для орловцев ставшая нарицательной. Дадим слово одному из орловских обывателей той поры (он не хотел раскрыть своего имени, хотя краеведам оно хорошо известно – Пётр Кречетов):

“В 1872 году директором Орловского банка был избран некто Авиллов. Этот Авиллов – самый ординарный купчишка. Попал он в банковские воротилы совершенно случайно. Ему сразу наговорили, что капитал в банки собирается не для того, чтобы лежать в сундуках, а для кредита, для движения, что из этого самого движения истекает рост капитала и т. д. Что же ему оставалось, как не начать самый простой обмен приносимых вкладчиками капиталов на дутые векселя... С 1872 по февраль 1883 года Авиллов управлял Орловским городским общественным банком, и деятельность его была замечательна: он из сумм банка присвоил себе более 400 тысяч рублей, которые не возвратил... В 1883 году банк был признан несостоятельным и закрыт с убытком около 3,5 миллиона рублей. В том же году закрыто было и Орловское общество взаимного кредита”.

Скандал был настолько громкий, что столичные газеты объявили: “За ненадобностью и излишеством за сходную цену продается город Орёл – весь целиком и вразброд. Справиться в Орловской Думе. Может быть сделана уступка”. Невообразимо большой долг повис на Орле.

Юный Бунин, конечно же, был в курсе орловских банковских дел: не раз он был вынужден ездить в губернский город, чтобы платить проценты в орловский Дворянский банк. Можно вполне предположить, что в своём романе Бунин дал Семёновой “говорящую” фамилию, только подчеркивающую её принадлежность к “купеческому” сословию. В дополнение к этому он сделал её вдовой, видимо, чтобы не загромождать повествование историей сложных взаимоотношений и последующего развода Семёновой и Шелехова.

Авилова предстаёт перед читателем маленькой, гостеприимной, деловитой, аккуратной, настоящей хозяйкой большого дома – не только жилой его половины, но и редакции, типографии. Заботливая хозяйка... Маленькая, но крепкая рука... Какие ещё черты подчеркивает Бунин? Например, он мельком упоминает о том, что вечером Авилова уехала на собрание.

Весь облик Семеновой до боли противоречив. В одну минуту она как будто типичный персонаж из пьесы Островского – деловитая и домовитая хозяйка. В другую минуту – почти Вера Павловна из романа Чернышевского: издаёт либеральную газеты, помогает ссыльным, посещает собрания.

Можно предположить, что Бунин не сразу почувствовал эту противоречивость, – так сильно было обаяние симпатичной молодой женщины. Но уже о первой встрече, о том, как она закончилась, он написал: “Я получил предложение не только сотрудничать, но и взять аванс, который и взял, – горячо покраснел, но взял”.

Он краснеет, ему неловко. Но для Авиловой это мимолётно и несущественно. А будущая драма разворачивается дальше.

“Каждый раз перед балом я переживал жестокие минуты, – нужно было надевать фрак покойного мужа Авиловой, совершенно, правда, новый, кажется, ни разу не

надеванный и все же меня как бы пронзавший”. В этой фразе – ключ к пониманию отношений Бунина и Семеновой. Можно с уверенностью утверждать, что Бунин специально вводит в канву романа эту придуманную деталь с фраком (как мы знаем, Семенова не была вдовой, а следовательно, не было и фрака покойного мужа). Тем самым писатель подчеркивает то странное чувство, которое производила на него деловитая забота Семеновой. Её здоровый практицизм пусть в редких случаях, но всё же переходил черту, которую не мог преступить Бунин. Зато как безмятежно, как пронзительно хорошо ему было, когда отступали заботы... Откроем снова роман “Жизнь Арсеньева”:

“Маленькая, живая, всегда вся крепко и весело собранная Авилова тоже удивляла меня на балу своей молодостью, сияющей миловидностью. Это на балу вдруг понял я однажды, что ведь ей всего двадцать шесть лет, и впервые, не решаясь верить себе, догадался о причине странной перемены, происшедшей в её обращении со мной в эту зиму, – о том, что она может любить и ревновать меня”.

“Часто проводил целые вечера с ней вдвоем: она подолгу играла для меня, а я полулежал на диване, всё закрывая глаза от подступающих слез музыкального счастья”.

В романе Бунин пишет о том, как главный герой в растерянности отказался от предложения Авиловой поехать в Москву. И в подчеркивании этой сцены тоже символ, особый символ. На самом деле поездка все же состоялась – в июле 1891 года. Семёнова пригласила Бунина поехать в качестве корреспондента газеты на французскую выставку, открывшуюся в Москве. Они были в Кремле, на колокольне Ивана Великого, в летнем саду “Эрмитаж”, в Румянцевской библиотеке, на Воробьёвых горах. И каждый день в течение недели ходили на выставку, хотя она, увы, особого впечатления не произвела. В своей книге “Жизнь Бунина” В.Н. Муромцева-Бунина писала об этой поездке:

“Его спутница не раз заводила разговор о его романе, но скоро убедилась, что он уже в таком состоянии, когда человек бывает глух и слеп.

Иван Алексеевич иногда, с грустной улыбкой, много лет спустя говорил мне, что Надежда Алексеевна была его “непростительной пропущенной возможностью”. Он понял только позднее, что он “действительно нравился ей и что было бы лучше, если бы он увлекся ею, а не Пашенко”. Повторял он это и незадолго до смерти, всегда восхищаясь этой умной, изящной, обаятельной женщиной. Но он был юн, когда в первый раз увидел её, и она показалась ему недоступной”.

А в романе “Жизнь Арсеньева” все проще, но так пронзительно. Идет вечерний разговор, полный многозначительных фраз о смысле жизни. И вдруг...

“Она, подняв на меня глаза, вдруг тихо, многозначительно спросила:

– Хотите, поедem в Москву?

Что-то жутко содрогнулось во мне... Я покраснел, забормотал, отказываясь, благодарности... До сих пор вспоминаю эту минуту с болью большой потери”.

Увлечением Надежды Семёновой был созданный в Орле Комитет народных чтений – в нём насчитывалось до 350 членов, то есть, по довольно меткому выражению тех дней, “почти вся орловская интеллигенция”. Организованный с благой, казалось бы, целью просвещения народных масс, комитет в то же время стал прибежищем для прогрессивной и даже либерально-революционной орловской интеллигенции, видевшей в нем хорошую возможность для общения. Надежда Семёнова восклицала в одной из передовых статей своей газеты: “Комитет народных чтений – это единственное живое учреждение в городе Орле”. В свою очередь эта общественная организация выражала благодарность за бесплатную публикацию в “Орловском вестнике” извещений о работе комитета.

Не остались столь явные выражения симпатии в стороне от внимания губернских властей. Орловский губернатор даже обратился с запросом к губернатору вологодскому по поводу благонадежности Семёновой. Ответ был кратким и исчерпывающим: “Дочь титулярного советника, девица из дворян, за время проживания в городе Вологда ни в каких особых предосудительных поступках замечена не была”.

Увлечение общественной жизнью, возможно, было связано и с обстоятельствами личной жизни Надежды Семёновой. После нескольких лет житейских неурядиц, после бессмысленной ревности мужа Надежда Семёнова решилась уйти от него, а точнее, выставить его самого – Бориса Шелехова – за дверь, пригрозив обратиться за помощью полиции, если он не оставит её в покое. Иван Белоконский вспоминал об этой поре:

“Издательница газеты Семенова... сошлась с очень живым и общественным молодым человеком Сентяниным. С последним я вступил в переговоры об отдаче газеты в руки группы лиц, которые будут вести её литературную часть. Семенова и Сентянин согласились на это. Тогда редакция образовалась из меня, инженера путей сообщения Н.Ф. Королёва, занимавшего крупную должность на Риго-Орловской дороге, талантливого юриста А.Н. Рейнгарда и А.В. Пешехонова”.

Однако вскоре выяснилось, что “инициативная группа” пошла куда дальше просветительства Комитета народных чтений. И полиция, и губернатор стали грозить Семёновой всяческими карами в случае, если она не найдет управу на радикальных журналистов, которые хотели превратить “Орловский вестник” чуть ли не в орган революционной демократии. Представить только, скольких слез стоила такая драматическая развязка для Надежды Семёновой, нашедшей было людей для своей газеты!

Её гражданский муж Василий Евграфович Сентянин, занимавший скромную должность делопроизводителя в железнодорожном управлении, вынужден был написать встревоженное письмо не на шутку развернувшимся поборникам гласности:

“Надежда Алексеевна смотрит на дело издания газеты как на единственный источник существования... она страшно смущена опасностью, так как что-то уж очень много толкуют о закрытии”.

Финал истории описал сам Белокопский:

“Нашей компании не оставалось ничего более, как уйти из “Орловского вестника”, что мы и сделали. Это произошло в конце первой половины 90-х годов и совпало с провалом партии “Народное право”, некоторые члены которой принимали близкое участие в газете”.

Впрочем, что-то надломилось и в самой редакции. Семенова всё больше и больше отходила от журналистских забот. А.И. Аристов приобрёл у неё права на издание и редактирование “Орловского вестника”, и бывшая владелица газеты уехала из города. Впереди у Орла были открытие губернского музея и трамвайного движения, расцвет социал-демократического движения, русско-японская война и революция 1905 года...

Орловское общество в конце XIX века было неравнодушным, стремящимся к созданию новых социальных институтов, к объединению интеллектуальных сил. И не вина провинциалов в том, что они оказались бессильны на фоне грандиозных социально-политических противоречий, буквально разрывающих социальный организм России того времени. Бедность довольно большей части населения (и как следствие – неграмотность, эпидемии, деградация), падение авторитета Православной церкви, высокомерный консерватизм аристократии и правительственных кругов, безудержные интриги и махинации “деловых людей” (пример: скандал с коммерческим банком в Орле,

дискредитировавший идею самоуправления) задавали совсем другой вектор развития. Да и сами радикальные силы настойчиво пытались превратить общественное самоуправление в филиал революционных организаций. Конечно, местное общество в более благоприятных условиях могло бы сделать куда больше. Однако эти “самодеятельные механизмы” были за ненадобностью сданы в утиль после 1917 года. Гражданам великой страны предложили уповать только на государство и только от него ждать милостей.

Спустя век пора возродить утраченные традиции, вспомнить добрые дела орловской интеллигенции “эпохи Надежды Семёновой”. Возьмите томик Бунина, откройте и прочитайте снова: “Маленькая, живая, всегда вся крепко и весело собранная Авилова... удивляла меня на балу своей молодостью, сияющей миловидностью. Это на балу вдруг понял я однажды, что ведь ей всего двадцать шесть лет...”

Учитель словесности

Настало время увековечить в Орле память о выдающемся русском педагоге Иване Михайловиче Белоруссове. Его судьба неразрывно связана с Орловским краем и Орлом, где И.М. Белоруссов работал директором и преподавателем Орловской губернской мужской гимназии. Здесь же, в Орле, были изданы многие его работы учёно-педагога, сделавшие его имя известным всей просвещённой России.

И.М. Белоруссов родился 1 июня 1850 года в Тотемском уезде Вологодской губернии. В одной из своих работ он писал: “Я сам вырос среди простого крестьянского народа, сам учился в сельской народной школе и, по окончании среднего образования, был некоторое время народным учителем”.

Учился в Миньковской народной школе под руководством отца – сверхштатного дьякона, затем в Тотемском училище и Вологодской духовной семинарии. Но в связи со смертью отца (в семье было семь человек) Белоруссову пришлось уже на четвертом курсе семинарии стать народным учителем у себя на родине. В сельской школе молодой педагог преподавал весь круг предметов, в том числе и арифметику, Закон Божий. Но всё больше увлекала словесность.

И.М. Белоруссов получил высшее образование в Петербурге, с июля 1875 года – преподаватель русской словесности и латинского языка в Архангельской мужской гимназии. По совместительству преподавал в женской гимназии, был редактором неофициальной части газеты

“Архангельские губернские ведомости”. В июле 1878 года был назначен наставником-руководителем в историко-филологический институт в городе Нежине (ныне Украина), где проработал шесть лет, являясь одновременно преподавателем русской литературы.

Ещё в августе 1875 года И.М. Белорусов выступил “в годичном акте” (была тогда такая церемония) в Архангельской гимназии с речью “О значении древних языков в системе гимназического образования”. В этом северном городе он издал и свою первую книгу “Учебник теории поэзии” (1877). Одна из первых исследовательских работ – статья “Теория словесности” – была опубликована в апрельском (1878) номере “Журнала Министерства народного просвещения”. Поднятая проблема побудила автора самым серьёзным образом приняться за работу над составлением “Учебника теории словесности”, который к 1918 году выдержал 32(!) издания. И.М. Белорусов писал: “Словесность – искусство изображать посредством слова всевозможные предметы и явления и всевозможные душевные состояния. Словесность есть самый высший род искусства, в известной степени совмещающий в себе свойства всех остальных искусств”.

С 1884 года Белорусов был директором Орловской гимназии. Один из его учеников – литератор, автор нескольких сборников очерков и рассказов Павел Россиев – вспоминал много лет спустя: “Помнятся живые, осмысленные уроки, на которых улавливались, с помощью Ивана Михайловича, все изгибы и извивы “божественной эллинской речи”, её полновзвучность и полновесность, и когда мы чувствовали в гомеровских рапсодиях музыкальную характерность языка наших былин; мы углублялись в тонкость Ксенофонта “Анабазиса” и над какой-то частицей, недостойной удара, а только придыхания, останавливались с той серьёзностью, с какой ботаник останавливается над клеткой или живой протоплазмой. Искусный преподаватель по-своему,

кратко и удобопонятно предлагал синтаксические и грамматические мудрости... Основой воспитательной и педагогической мысли Белоруссова было беспрестанное возбуждение, укрепление и усиление сознательной и свободной деятельности учащихся, можно сказать, – самообразование, построенное на твердой воле и сознательном труде, как святом долге каждого человека... Для Белоруссова русский язык стал солнцем, которое не только согревало его душу, но и являлось источником литературно-педагогической энергии, а эта, в свою очередь, была источником его интеллектуальной жизни”.

Впрочем, встречаются и другие отзывы о Белоруссове – директоре Орловской гимназии. Например, орловский литературовед Л.Н. Афонин (1918–1975) охарактеризовал Белоруссова так: “Карьерист, не скрывавший своих реакционных воззрений, Белоруссов стремился поднять в гимназии “религиозный дух”, изгонял вольномыслие... Ходили слухи, что Белоруссов берёт взятки... Уроки Белоруссова по литературе были на редкость скучны... Службист Белоруссов преподавал литературу по бурсацкому способу «от энтих до энтих»”.

И в комментарии к рассказу Л. Андреева “Молодёжь”, помещённом на сайте www.leonidandreev.ru, дана уничижительная характеристика одного из героев: “Директор гимназии Михаил Иванович в действительности Иван Михайлович Белоруссов – реакционер и карьерист, насаждавший среди гимназистов “религиозный дух” и доноительство”. На самом деле, если внимательно прочитать рассказ “Молодёжь”, в нём не встретить никаких злых эпитетов в адрес директора. Скорее Леонид Андреев передаёт своё, школярское видение некоей конфликтной ситуации в гимназии и просто чуть иронизирует над “грозным” директором. Зачем же тогда авторам комментариев понадобилось “бросать камень” в Белоруссова? Чтобы на фоне его консерватизма,

приверженности классике подчеркнуть свободолюбие и новаторство Андреева? Но каким бы ни был Белоруссов, уже тот факт, что среди его учеников были такой писатель, как Андреев, однозначно свидетельствует в пользу правильности методики преподавания этого учителя словесности. Наверное, время всё же “примирило” учителя и ученика, да и позднейших критиков: ныне в Орле в Доме-музее Леонида Андреева на 2-й Пушкарной улице среди других фотографий посетителей встречает и скромный портрет учителя словесности Ивана Белоруссова.

Выйдя в отставку с должности директора Орловской гимназии в 1897 году, Белоруссов до 1911 года жил в Орле и вёл самую активную деятельность. Он был председателем педагогических советов двух женских гимназий в Орле, почётным членом епархиального училищного совета, трижды руководил преподаванием русского и церковно-славянского языка на педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ Орловской, Смоленской и Ставропольских епархий. Его “Словарь Ломоносовского языка” ещё в рукописи был удостоен Ахматовской премии Академии наук (1914).

Белоруссов являлся действительным членом Орловской губернской учёной архивной комиссии, Орловского Церковного историко-археологического общества, принимал активное участие в организации и деятельности Орловского Союза законности и порядка, был членом особого литературного комитета при печатном органе этого союза – газете “Орловская речь”. Публиковался в “Журнале Министерства народного просвещения”, “Русском вестнике”, в варшавском “Русском филологическом вестнике” (здесь в 1887 году, в частности, была напечатана статья “Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии”), “Филологических записках” (Воронеж), ряде научных изданий Москвы, Петербурга, Киева. Белоруссов показал современникам

значение великого филолога А.А. Потебни, обрисовал его образ и разъяснил заслуги (книга “Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни” (Орёл, 1902)).

Книги Белоруссова можно было приобрести в книжных магазинах вышеперечисленных городов, а также в Одессе, Казани. Так, например, небольшая книга о Пушкине первоначально печаталась в воронежских “Филологических записках”, там же, в Воронеже, была выпущена отдельным изданием в 1880 году типографией губернского правления, а затем в 1895 году вышла вторым изданием – в Орле, в типографии П.Н. Хализева.

Долгая жизнь была суждена не только учебнику Белоруссова по теории словесности. Другой его фундаментальный труд – “Учебник по русской грамматике” – был удостоен престижной премии Петра Великого, к 1916 году выдержал 26 изданий (ряд из них выходил в Орле, в типографиях С.А. Зайцевой (1889), П.Н. Хализева (1893, 1901), А.А. Логунова (1910), в типографии губернского правления (1911, 1914)).

Накануне революции 1917 года Белоруссов жил в Ницце, где работал директором русской гимназии. Последовавшие события стали для него настоящим крахом. В Орле у Белоруссова были конфискованы дом, библиотека, капитал в банке. В годы гражданской войны он нашёл приют в Алуште (Крым)... Его последние дни описал Иван Шмелёв в книге “Солнце мёртвых”. При большевиках Белоруссов едва не был расстрелян, страшно бедствовал, голодал, просил милостыню. “Вот, голубушка... Христовым именем побираюсь! Не стыдно мне это, старику, а хорошо... Господь сподобил принять подвиг: в людях Христа бужу!” – говорил он. Однако, как Белорусов рассказывал самому Шмелёву, и в эти роковые дни, несмотря на голод и слабость, ежедневно работал: “Последнюю книгу дописываю... план завершаю... каждый день работаю с зари по четыре часа. Слабею... На кухню хожу советскую, кухарки ругаются...

супцу дают когда, а хлебушка нет...” Однако его материалы и труды оказались не нужны новой власти (“писал комиссарам – никому дела нет...”), ему назначили мизерную пенсию.

Смерть Белоруссова Шмелёв описал так: “Умер старик вчера – избили его кухарки. Черпаками по голове били в советской кухне. Надоел им старик своей миской, нитьём, дрожаньем: смертью от него пахло. Теперь лежит покойно – до будущего века. Аминь”. Это случилось в декабре 1920 года.

Братья Лукомские

Братья Лукомские

Семья Лукомских переехала в Орёл из Калуги в январе 1897 года. Отец – Крескентий Павлович (иногда пишут Кресцентий – обладатель столь необычного имени был католиком) – занял должность старшего инженера Губернского земства по дорогам. Сыновья, родившиеся в Калуге, поступили учиться.

Старшему брату – Владиславу (он родился 5 июля 1882 года) – довелось учиться в знаменитой Орловской гимназии, которая дала миру немало выдающихся людей. Здесь Владислав в 1900 году получил аттестат зрелости, который открыл ему дорогу на юридический факультет Московского университета. Начало “серебряного века” было богато на всевозможные течения в литературе и искусстве, юноша был страстно увлечен некоторыми из них, сам пробовал сочинять стихи и прозу. На летних каникулах 1901 года побывал в Берлине, Кёльне, Париже, Лионе, в городах Швейцарии, в Мюнхене и Вене. Из-за студенческих волнений занятия часто прекращались, а потому было время и для увлечения искусством, и для новых поездок в Европу.

По окончании университета (семья переехала в Петербург, поэтому В. Лукомскому довелось учиться и у В.И. Сергеевича) вчерашний студент в 1906 году получил должность журналиста в газете “Правительственный вестник”, а затем в редакции официального органа “Русское Государство”. Однако молодого исследователя больше увлекала история – вскоре он переводится на службу в Департамент герольдии Сената. “Без отрыва от основной работы”

окончил Петербургский археологический институт и в 1909 году был признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического института.

В качестве сотрудника Департамента герольдии (а здесь Владислав Лукомский планомерно рос в должностях) участвует в работе авторитетных комиссий, в съездах, отправляется в командировки в исторические города страны. Совместно с В. Модзалевским выпускает книгу “Малороссийский гербовник” (1914), оформляет ряд других изданий, сотрудничает в журналах.

Революция абсолютно не нуждалась в гербах старой России. Усилиями В. Лукомского всё же удалось сохранить огромную коллекцию – на протяжении целых десяти лет после 1917 года он будет управляющим Гербовым музеем при Главном управлении архивным делом. С 1918 года заведовал также Царскосельским историческим музеем, с 1920-го – историко-бытовым музеем в Фонтанном доме (Петроград). В результате многих реорганизаций, закрытий, упразднений учреждений и т. д. гербовая коллекция в конце концов вошла в состав Эрмитажа. Её бессменный хранитель В.К. Лукомский также не избежал драматических коллизий – был в его квартире пятичасовой обыск в марте 1935 года, были арест, камера военной тюрьмы на Выборгской стороне. Правда, вскоре почтенного знатока герольдии выпустили...

Еще одно испытание – блокада. Ради сохранения своего детища Лукомский перешёл в архивохранилище на казарменное положение, забросив холостяцкую квартиру. Перст судьбы – в феврале 1942 года его дом сгорел.

Лукомский был эвакуирован в Москву, здесь консультировал авторов театральных постановок, преподавал. На закате жизни пришлось признание – ему было присвоено звание профессора Историко-архивного института, а в апреле 1944 года присуждена и ученая степень доктора исторических наук. Владислав Крескентьевич Лукомский умер 11 июля 1946 года.

Младший брат Владислава – Георгий – родился 2 марта 1884 года в Калуге, на улице Дворянской (дом, где жила семья Лукомских, снесли в 1986 году).

Отец, вероятно, не случайно отдал младшего сына не в Орловскую гимназию, а в Александровское реальное училище (ныне в этом здании на улице Комсомольской располагается Дом творчества для детей и юношества Заводского района). Чувствуется за этим желание направить сына по собственному пути, увидеть его инженером.

Имея по большинству предметов отличные оценки, Георгий по скучным геометрии, тригонометрии, физике и черчению получал лишь хорошие. Причём Георгий пробыл в училище до 1901 года – на год дольше, чем большинство других школяров, потому что пошёл ещё и в дополнительный класс, дававший право “поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только проверочному испытанию”.

Преподавал рисование Георгию Лукомскому Александр Лаврентьевич Лаврентьев. Он родился в 1872 году в Москве, окончил Строгановское училище, получил направление в Орёл. Лаврентьев был членом Орловского общества любителей изящных искусств и на протяжении нескольких лет – его председателем. А ещё Георгий Лукомский занимался в небольшой частной художественной школе члена общества любителей изящных искусств Петра Ивановича Сычева. Школа размещалась в доме на улице Ситниковской (ныне Энгельса).

Мечтой Георгия была Академия художеств в Петербурге. Но попытка поступления оказалась неудачной. Пришлось перебраться в Казань, где за два года учёбы в художественной школе увлекся стариной. Потом было успешное поступление на архитектурное отделение Академии художеств в Петербурге. Вместе с братом Владиславом в 1905 году отправился в поездку по Европе, “застрял” в Париже на несколько месяцев, сделал массу зарисовок города.

С детских лет имея слабые лёгкие, Георгий всегда называл первейшей причиной поездки за границу необходимость лечения. Потому осенью 1906 года снова отправляется в путь – на этот раз в Италию. Вернувшись в Россию, устраивает выставку своих заграничных работ, сотрудничает в журналах, отправляется в провинцию, чтобы найти материалы для создававшегося в Петербурге Музея допетровского искусства. Это было настоящее открытие Древней Руси – масса фотографий, зарисовок, споры с теми, кто пытался “обновить” старые здания. На этих материалах написаны и изданы фундаментальные книги Г. Лукомского “Кострома” (1913, книга написана совместно с братом Владиславом), “Вологда в её старине” (1914), “Воронежская старина: О некоторых памятниках старинной архитектуры Воронежа” (1915), “Галиция в её старине” (1915), первая часть “Памятников старинной архитектуры России в типах художественного строительства” (1916). Заслуга Лукомского – описание именно провинциальной, прежде малоизвестной широкому читателю архитектуры. Планы были грандиозные, но грянул 1917 год...

Февральская революция застала его архитектором царскосельских военных строительных комиссий. Ему был предложен пост председателя художественно-исторической комиссии царскосельских дворцов. Лукомский провёл титаническую работу по превращению бывших дворцов Романовых в музеи. Увы, в окружении талантливого архитектора и музейщика начались интриги... Когда описания были закончены, а дворцы и павильоны, предполагавшиеся к открытию, открыты, в ноябре 1918 года Г. Лукомский уехал в Киев. Здесь он также занимался созданием художественного музея, читал лекции, заведовал описанием, реставрацией и музеефикацией памятников архитектуры древнего города. Здесь были напечатаны его книга, посвящённая украинскому барокко XVII–XVIII веков,

и каталог созданного им музея Св. Софии. По его эскизам оформлены были театральные постановки пьес “Пётр и Алексей” Д. Мережковского и “Андре Шенье” Джордано...

Когда в Киев вошла Добровольческая армия, Лукомский, как бывший советский работник, вынужден был срочно уехать из города. Он планировал заняться дворцом в Ливадии, но вскоре перебрался в Константинополь – по версии самого исследователя, для изучения византийской архитектуры. Так начались три десятилетия эмиграции – Италия, Франция, Германия. Много лет Г. Лукомский прожил в Париже (здесь подготовил к изданию мемуары “Художник в русской революции” (напечатаны в Берлине в 1928 году)), был секретарём Парижской группы “Мира Искусства”, устраивал выставки своих произведений.

В январе 1922 года он писал приятелю из Парижа: “Не думайте, что здесь так уже “чуждо” живется! Ещё я-то зарабатываю и имею заказы... Но морально: скука, работа на других (и эмигранты – чуждая, глупая, безвкусная семья; и на французов работать неохота, какие они отсталые!) – неприятно. Любовь к России не только не остыла; напротив: страшная грусть, тоска, стремление к ней”. Постоянно назначал себе сроки возвращения на родину, защищал в Европе Советскую Россию, повсюду доказывая, что большевики не разграбили царские богатства, что целы дворцы-музеи... Но всегда что-то мешало вернуться, в первую очередь – старая болезнь легких.

Никогда не прерывалась связь Лукомского с Орлом. Он постоянно переписывался со своим учителем Александром Лаврентьевичем Лаврентьевым. Тот с 1906 года преподавал в кадетском корпусе, после революции 1917 года – в техникумах (механико-строительном, строительном, железнодорожного транспорта), в бронетанковом училище. В фондах Орловского краеведческого музея до сих пор хранится много открыток Г. Лукомского, адресованных в Орёл

Лаврентьеву. А в Орловском музее изобразительных искусств есть одна из живописных работ, подаренных Лукомским Лаврентьеву, с простой, но искренней надписью: “Дорогому Александру Лаврентьевичу – первому учителю” (умер А.Л. Лаврентьев в 1943 году в Туапсе)...

Когда началась вторая мировая война, Лукомский переехал в Лондон, где продолжал работу над книгами по истории русского искусства XIX–XX веков, с окончанием войны вернулся во Францию. Умер Георгий Крескентьевич Лукомский 25 марта 1952 года в Ницце. Его произведения хранятся в фондах Третьяковской галереи, Русского музея, в Музее Татарстана в Казани, в музеях Парижа, Милана, Рима, Венеции.

...Несколько лет назад, будучи в Костроме, я купил книгу об этом древнем русском городе, написанную братьями Лукомскими. Первое издание вышло в свет в 1913 году, к 300-летию Дома Романовых, в судьбе царской династии которых Кострома сыграла роль колыбели. Теперь труд Лукомских переиздан в Москве – на прекрасной мелованной бумаге, в твердом переплёте, со всеми полагающимися научными послесловиями. Прекрасная память о братьях – творцах и хранителях. И маленькое напоминание нам, орловцам, о юношах, которые начинали в Орле свой путь в мир науки и искусства.

Литературная прогулка по Орлу

Литературная прогулка по Орлу

Орёл по праву носит неофициальный титул одной из литературных столиц России. Улицы и площади города, по словам Лескова, вспоившего на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город, хранят память о многих классиках русской литературы. Здесь прошли их детство, юность, об этих перекрёстках и скверах они вспоминали в дни славы и в дни скитаний на чужбине...

У Орла сложилась своя литературная история и своя литературная география. Попробуем и мы пройти вслед за знаменитостями по старинным улочкам исконно русского города, находя приметы старины, заново прочитывая страницы известных книг.

Без всякого сомнения, сердце литературного Орла – “Дворянское гнездо”. Этот район города (сквер на крутом берегу Орлика, несколько примыкающих кварталов) расположен в самом начале Октябрьской (бывшей Верхней Дворянской) улицы. Здесь разворачивалось действие одноимённого романа Тургенева, здесь сто лет назад благодарная орловская публика увековечила память о писателе, установив его бюст и открыв мемориальный сквер. Этот уголок Орла воспет в стихах Константина Бальмонта и Евгения Сокола, в “Жизни Арсеньева” Ивана Бунина, продолжает находить отклик и в литературе наших дней...

На Октябрьской улице (бывшей Верхней Дворянской, иногда ее называли Третьей Дворянской) третьим по счёту от берегового обрыва над Орликом в позапрошлом веке

стоял дом Лесковых. Будущий писатель тогда был ребенком, проводившим свои дни среди зелени усадебных садов, в большом овраге, где пас коров несмертельный Голован. В одноименном рассказе Николай Лесков писал: “Вправо за Орликом шли мелкие хибары слободы, которая примыкала к коренной части, оканчивавшейся церковью Василия Великого. Сбоку был очень крутой и неудобный спуск по обрыву, а сзади, за садами, – глубокий овраг и за ним степной выгон, на котором торчал какой-то магазин. Тут по утрам шла солдатская муштра и палочный бой – самые ранние картины, которые я видел...”

Неподалёку от открытого в 1970-е годы на Октябрьской улице музея Н.С. Лескова расположен перекрёсток улиц Салтыкова-Щедрина и 7-го Ноября, где прежде стоял дом генерала А.П. Ермолова. Здесь герой Отечественной войны 1812 года, недавний наместник Кавказа, встречался с приехавшим 1829 году в Орел Александром Пушкиным. А напротив стоял дом Якушкиных, семейства, которое дало миру неуёмного странника, фольклориста и публициста Павла Якушкина (1822–1872).

Несколько десятков шагов в сторону Орлика, и мы по улице Салтыкова-Щедрина подойдем к Дому писателей, рядом с которым в 1997 году установлен памятник А.А. Фету. Дом писателей – это место расположения Орловской организации Союза писателей России, областного государственного учреждения культуры “Орловский Дом литераторов” и издательства “Вешние воды”. Вот уже четверть века это здание является средоточием литературной жизни Орловщины.

Примечательно, что здесь расположен не только Дом писателей, но и большой литературный квартал: пешеходу легко попасть и в музей Н.С. Лескова, и на улицу Тургенева (здесь стоял дом, в котором родился Иван Сергеевич), где поблизости друг от друга музей Тургенева, музей писателей-орловцев, а в ближнем Георгиевском переулке – музей

И.А. Бунина. Примечательное совпадение – через перекрёсток от музея Тургенева на улице Максима Горького здание с мемориальной доской, извещающей о том, что больше ста лет назад здесь стоял дом, где родился литературовед Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975).

Шагая от берега Орлика по улице Октябрьской к центру города, мы скоро придём на место бывшей Полесской площади (ныне на этом месте Музей искусств). Ее былой облик запечатлен в произведениях Николая Лескова. Писатель назвал олицетворением орловской гласности и сатиры 1840-х годов майора Александра Христиановича Шульца, который в окне своего небольшого серенького домика на “Полешской площади” выставял два чучела: козел – это была кукла епископа Смарагда, петух – губернатора Трубецкого. Всем обывателям в городе были известны непростые отношения властителей светского и духовного, а потому по положению кукол у сведущего Шульца (кто кого одолевает) народ мог следить за событиями на местном Олимпе.

Еще несколько десятков шагов по Октябрьской улице, и пешеходу открываются просторные сквер Гуртьева и площадь Каменского. Здесь почти двести лет назад появился первый орловский театр, основанным графом С.М. Каменским в 1815 году. Несколько позже на месте обветшавшего театрального здания построили величественное здание Орловского Бахтина кадетского корпуса (уничтожено фашистами в 1943 году). В этом военном учебном заведении преподавали ученый-естествоиспытатель, основатель первой частной газеты в Орле “Орловский справочный листок” Николай Тарачков, церковный поэт Илья Ливанский. А в бывшем Зиновьевском переулке (ныне это район улицы Гуртьева) располагались редакция и типография газеты “Орловский вестник”, где работали И.А. Бунин, писатели А.Н. Чудинов, И.П. Белоконский...

Ныне имя Бунина носит расположенная рядом областная публичная библиотека, фасад которой обращен к городскому саду и улице Максима Горького (бывшая Садовая). Улица эта необычайно богата на литературные достопримечательности. В стоявшем здесь когда-то доме губернатора чуть более двух веков назад родилась Анна Керн: на том месте – гостиница “Русь” с мемориальной доской в память о прекрасном образе, вдохновившем поэта на бессмертные строки... И, по всей вероятности, по этой же улице Пушкин в упомянутом 1829 году въезжал в Орёл по пути из Белёва.

Если идти по улице к окраине города, то скоро по правую сторону можно увидеть приметы бывшего церковного городка – здесь прежде был Успенский мужской монастырь, затем Архиерейский дом Орловско-Севской епархии. Орловцы называют этот уголок города Монастыркой. Так называл его когда-то и Лесков. Масса подробностей жизни Монастырки сосредоточена в его очерках “Мелочи архиерейской жизни”. Символично, что в конце XX века на Монастырке вновь было построено здание епархиального управления...

У улицы М. Горького давно сложился некий литературно-управленческий облик. Именно на ней располагались присутственные места, прочие казённые учреждения Орловской губернии. Здесь в губернском правлении служил герой антинаполеоновских войн, известный поэт, драматург и публицист Федор Николаевич Глинка (1786–1880). Он был широко известен читающей публике в качестве автора “Писем русского офицера”, главного редактора “Военного журнала”. Находясь в ссылке как активный участник выступления декабристов, Ф.Н. Глинка в декабре 1832 года был переведен из Петрозаводска в Орёл, где прослужил в губернском правлении три года. В 1834 году издал брошюру “О пребывании государя императора в Орле” (имелся в виду Николай I), опубликованную

первоначально в виде статьи в журнале “Русский инвалид”. Среди написанных и законченных в Орле произведений Глинки можно назвать также поэму “Иов”, стихотворения “Постояльцы” и “Ангел”.

В своей статье “О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года” Ф.Н. Глинка писал: “Сочинитель должен быть самовидец... Сочинитель постарается возвести до высшей степени любопытство читателя, приучить его участвовать во всех происшествиях, как в собственных делах, и тесно сдружить с описанием своим. Но как успеть в сем? Описывать происшествия точно в таком порядке, как их видел, соблюдая в ходе всех дел самую точную постепенность, а в объяснении простоту и истину”.

В 1867–1871 году орловским губернатором служил М.Н. Лонгинов (1823–1875), известный библиограф и историк литературы, начальник Главного управления по делам печати. Под его руководством здание, принадлежавшее военному ведомству, было перестроено под дом губернатора. А у другого орловского губернатора – А.Н. Трубникова – в сентябре 1898 года здесь побывал Лев Толстой, работавший в то время над романом “Воскресенье”. Об этом визите великого писателя напоминает ныне мемориальная доска на бывшем губернаторском доме (улица М. Горького, 45).

Окна бюрократических заведений десятилетиями смотрели на умиротворенную красоту городского сада, разбитого в начале XIX века на высоком берегу Оки. Кто только из орловских и приезжих знаменитостей не бывал здесь! Бунин был одним из частых посетителей парка. В марте 1891 года он писал Варе Пашенко:

“Сейчас вернулся с прогулки... И ночь как хороша! – месяц высоко стоит над городом. Ночь как-то по-весеннему светла и прозрачна. Подходили к городскому саду, видели, как между его деревьями стоял легкий голубоватый туман, скорее похожий на густой лунный свет...”

Гуляя по старому парку, подойдём и к памятнику И.С. Тургеневу. По преданию, именно здесь делал первые шаги Ваня Тургенев – маленький сын богатых орловских помещиков. Тургеневский бережок – это название давно и прочно вошло в обиход орловцев.

От памятника через центральную площадь города, оставляя слева академический театр имени И.С. Тургенева и памятник И.А. Бунину, – на Болховскую улицу (ныне улица Ленина). Покатая мостовая ведёт пешехода к мосту через Орлик. Как и сегодня, встарь это была улица витрин, торговых заведений и кафе, книжных магазинов и гостиниц. Обычным занятием орловских барышень были вечерние прогулки по Болховской. Кавалеры нередко проводили время в клубных заведениях, расположенных здесь. Первый в городе кинематограф и первая фотостудия, первый трамвай – всё это приметы оживлённой жизни Болховской улицы.

Улица Ленина, дом 19. Прежде это двухэтажное здание принадлежало купчихе Е.К. Иордан. Здесь располагалась гостиница. Накануне Нового 1860 года штаб-офицер жандармского управления сообщал в секретном донесении о Павле Якушкине:

“Около 20-го числа сего месяца приезжал в г. Орёл и 20-го декабря вечером в гостинице Иордан при посетителях некоторых дворянах... позволял себе громко говорить и напевать в выражениях нескромных и неприличных о крестьянском деле, о наделе им земли и об отношениях дворовых слуг к господам, припевая: “Авось мы им зададим”. По дошедшему ко мне о сем сведению я тотчас принял наблюдательные меры за всеми действиями Якушкина, но 23 декабря утром он поспешно уехал в Москву”.

По некоторым сведениям, в этой же гостинице останавливался и И.С. Тургенев – во всяком случае, писатель не раз упоминает её в своих письмах.

Герой документальной повести Н.С. Лескова “Загадочный человек” журналист и деятель революционного движения Артур Бенни, попавший в Орел по пути на Украину, бежит от своего сопровождающего и на Болховской улице закладывает у часовщика Керна карманные часы. С вырванными восемнадцатью рублями он бросается в отделение почтовых карет, где случайно застаёт харьковский экипаж, идущий в Москву...

На Болховской располагалась библиотека, где часто работал юный Бунин:

“Я заходил в библиотеку – это была старая, редкая по богатству библиотека. Но как уныла была она, до чего никому не нужна! Старый, заброшенный дом, огромные голые сенцы, холодная лестница во второй этаж, обитая по войлоку рваной клеенкой дверь... За столом сидел, гнул-ся, как-то затаенно перелистывая страницы толстой книги, один неизменный читатель – тощий юноша, гимназист... Кому еще было тут сидеть, кроме нас двоих, одинаково удивительных по своему одиночеству во всем городе и по тому, что оба читали?”

Такая была она, Болховская улица, – многоликая и суетная, но все же уютная и притягивающая обывателей с окраинных улочек города. Её неуловимым ритмом рождены лиричные строки Бунина, которые он написал в далекой Франции, вспоминая орловскую юность и свои мечтания о литературном труде:

“Я шел вниз по Болховской, глядя в темнеющее небо... Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно... Я, как сыщик, преследовал то одного, то другого прохожего, глядя на его спину, на его калоши, стараясь что-то понять, поймать в нем, войти в него... Писать! Вот о крышах, о калошах, о спинах надо писать...”

Вслед за Буниным пойдём вниз по Болховской, минувем Александровский мост, и перед нами окажется старинное здание Орловской гимназии (Воскресенский переулок, 5). История этого учебного заведения достойна того, чтобы стать приметной страницей большой истории русской литературы.

Здесь с 1813 года в должности старшего учителя истории, статистики, древности, мифологии и римско-латинской учености служил Фердинанд Францевич Орля-Ошменец, редактор одного из первых в России провинциальных периодических изданий – журнала “Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский российский журнал”. Ставя перед собой высокую задачу “просвещения благородного юношества”, гимназический учитель решил по-новому использовать свой опыт составления учебных пособий для школяров. Многочисленные публикации в столичной периодике, отрывки из книг, зарубежные новости – все это составило основу издаваемого преподавателем журнала, первая книжка которого была разрешена цензурой 22 сентября 1816 года.

В Орловской гимназии учились Николай Лесков, Леонид Андреев, Павел Якушкин, поэт Сергей Городецкий. Здесь же преподавал на рубеже XIX и XX веков писатель Фёдор Крюков, который, кстати, показал некоторые картинки гимназической жизни в своих рассказах, опубликованных в столичных журналах.

Не столь широко известно, что Николай Лесков так и не одолел гимназического курса. История распорядилась по-своему: памятник писателю установлен как раз напротив его “альма матер”. И внимательному экскурсанту ныне может показаться, что, увековеченный в меди, окружённый скульптурами героев своих книг, классик с грустью смотрит на гимназию, которая была столь тягостна ему в школярские годы!

За спиной у Лескова – церковь Михаила Архангела. Здесь крестили другого талантливого писателя – Леонида Андреева. Он родился в семье землемера-таксатора в одноэтажном доме на улице 2-й Пушкарной (в здании ныне размещается музей писателя). “Я помню, – писал Леонид Андреев в 1918 году, – мои детские впечатления огромности от орловского дома и сада... Помню, что в течение многих лет я все еще не мог исследовать, как следует, все таинственные углы, чердаки, подвалы и сараи... То же и с садом”.

Уроженец Пушкарной слободы, он писал об этой части города и о величественном храме Михаила Архангела в рассказах “Весенние обещания”, “Молчание”... Да и сам литературный дебют Андреева состоялся благодаря этим же орловским реалиям. Весной 1898 года по просьбе редакции московской газеты “Курьер” молодой помощник присяжного поверенного Леонид Андреев написал специально для пасхального номера рассказ “Баргамот и Гараська”. Эта история об орловском городском и его подопечном открыла Андрееву путь к литературной славе. И этот же рассказ создал ещё одну орловскую достопримечательность. Откроем томик Л. Андреева:

“Часу в десятом теплого весеннего вечера Баргамот стоял на своем обычном посту, на углу Пушкарной и 3-й Посадской улиц. Настроение Баргамота было скверное. Завтра светлое Христово воскресение, сейчас люди пойдут в церковь, а ему стоять на дежурстве до трех часов ночи, только к разговинам домой попадешь...”

И ещё одна памятная примета на Пушкарных улицах – здесь, на углу 2-й Посадской и 2-й Пушкарной, стоял дом, в котором жил автор “Истории города Орла” Дмитрий Иванович Басов (1798–1868).

Переходя с Пушкарных улиц на Карачевскую, вспомним, что когда-то в этом районе, в давно уже не существующей гостинице “Тула”, жил Иван Бунин. По памяти он описывает эти места в романе “Жизнь Арсеньева”:

“Живя на подворье Никулиной, я иногда выходил и без цели шел по Щепной площади, потом по пустым полям сзади монастыря, где стояло большое кладбище, обнесенное старыми стенами. Там только ветер дул – грусть и глушь, вечный покой крестов и плит, всеми забвенных, брошенных, что-то пустое, подобное одинокой, смутной мысли о чем-то”. Действительно, все так: и Щепная площадь, соседствующая с Карачевской улицей, и кладбище, и поля, которые сто лет назад обозначали здесь окраину города. Только вместо монастыря – Крестительская церковь...

На улице Карачевской, в доме № 61, родился Пётр Потемкин (1886–1926) – поэт и драматург, один из ведущих авторов журнала “Сатирикон”. Ныне в этом здании размещается детская художественная школа.

Минуем ещё квартал и выйдем на Комсомольскую (бывшую Кромскую) улицу. Её история тоже не чужда русской литературе. Например, утраченный ныне дом Корнильева на Кромской улице снимали Мардовины – родственники М.А. Вилинской (будущей писательницы, известной под псевдонимом Марко Вовчок). Мария Вилинская после окончания Харьковского пансиона жила здесь с 1847 по 1851 год. В доме Мардовиных в середине XIX века собирались представители орловской интеллигенции, бывали Т.Н. Грановский, П.В. Киреевский, Н.С. Лесков...

В дом № 58 по улице Кромской в августе – сентябре 1917 года приезжал к родителям своей жены Зинаиды Райх Сергей Есенин. В истории бывают удивительные совпадения: совсем рядом, на Кромской (ныне Комсомольской) площади, издавна располагался военный городок. Здесь в воинской части накануне Великой Отечественной войны служил красноармеец Алексей Фатьянов, будущий автор стихов к песням “Соловьи”, “На солнечной поляночке”, “Где же вы теперь, друзья-однополчане”. По Комсомольской или по Карачевской улице он частенько шагал в редакцию

окружной военной газеты, размещавшейся на улице 2-й Посадской. Здесь охотно печатали стихи молодого поэта...

С Комсомольской улицы отправимся в другую часть города – Железнодорожный район. Пройдем по улице Нормандия-Неман мимо Смоленского храма, Николо-Песковской церкви, по мосту пересечём Оку и, поднимаясь по улице 5-го Августа на высокий берег, выйдем прямо к Никитскому кафедральному собору, который был заложен в 1773 году...

Этот храм, венчающий массив Курских улиц, нередко упоминается в произведениях Николая Лескова. Места были знакомы ему с детства, с 1841 года: "... меня привезли в августе в Орёл и "сдали в гимназию", а на квартиру поставили к повивальной бабке за безводной рекой Перестанкою... Постройки тогда в Орле в этой части города были такие, как "свиное каре": на все четыре стороны квартала дома окнами на улицы, а "задами вместе". Тут, на задах, были огороды, или угородцы". Судьбе было угодно распорядиться так, что и в последующие годы на Курских улицах жили мать Николая Лескова и другие его родственники.

Вообще Курские и прилегающие к ним улицы богаты памятниками духовной архитектуры. На Студенческой улице (бывшая Казначейская, Разночинская) в первой половине XIX века было построено здание духовной семинарии, которую перевели тогда в Орел из уездного Севска. В семинарии преподавали духовный писатель и собиратель старины Е.А. Остромысленский, краевед, автор книг об Орле и губернии Г.М. Пясецкий (1838–1900), учились Феофан Затворник, Сергей Булгаков, отец писателя Михаила Булгакова – профессор Киевской духовной академии Афанасий Булгаков.

В конце Курских улиц, как и прежде, ныне располагается женский монастырь, перенесённый сюда в середине XIX века из центра города, когда во время колоссального пожара сгорели все постройки. Монастырь на Курских улицах описан Лесковым в романе "Некуда". Здесь, по преданию, доживала свои дни Евдокия Коротнева – прототип Лизы Калитиной из "Дворянского гнезда" И.С. Тургенева.

От монастыря будем возвращаться к центру города по 1-й Курской улице. Она выходит как раз к началу Старо-Московской улицы, бывшей прежде началом большой Московской дороги. Здесь, на перекрестке Пушкинской и Старо-Московской, стоит отмеченный мемориальной доской Дом Лобанова. Прежде он принадлежал купцу Ивану Лобанову – сыну Льва Лобанова, бывшего крепостного матери И.С. Тургенева Варвары Петровны. Есть сведения о том, что писатель посетил этот дом во время своего последнего приезда в Орел в 1881 году.

Кварталы, прилегающие к Курским улицам, хранят память и об Иване Бунине. В доме № 84 на современной Пушкинской улице (бывшей Новосильской) он дважды (в 1913 и 1915 году) гостил у своей сестры. Неподдалеку, в бывшем Воздвиженском (ныне Трамвайном) переулке, располагалось когда-то здание управления Орловско-Витебской железной дороги, где мелким чиновником служил Бунин, правда, недолго – всего месяц или полтора (“освоился с делом, работаю прекрасно”, – писал он брату в августе 1890 года).

Краеведы до сих пор спорят, по какой дороге ехал Пушкин из Орла в Елец весной 1829 года, отправляясь в своё путешествие в Арзрум. Вероятнее всего, это была дорога на Малоархангельск (Курская), но не исключено, что Пушкин выбрал путь через Новосиль. Чем бы ни закончились эти споры, очевидно, что поэт никак не мог миновать перекрёстка 1-й Курской и Новосильской (теперь это Пушкинская улица). Где-то здесь он в последний раз окинул взглядом кварталы губернского Орла, который необычайно хорош в майские дни...

На этом перекрестке, где издавна брали начало дальние дороги, завершим и мы нашу прогулку, хотя ее можно продолжать ещё очень долго – так много связано в Орле с литературным прошлым. Улицы и площади хранят неисчезающую память города.

Содержание

ОРЛОВСКИЙ УРОЖЕНЕЦ	3
Родной город	5
Отрочество	8
Дворянский недоросль	11
Университет	12
Надежда	16
Развязка драмы	19
МИЛЕЙШИЕ ТРУЖЕНИКИ	21
ВСЁ НАЧАЛОСЬ С КНИЖНОЙ ЛАВКИ... ..	43
МАЛИКОВЫ	53
Лука	56
Александр	61
ЧИТАЯ ЛЕСКОВА	67
ЗАГАДКА ДОКТОРА ЯКОБИ	83
Мятежный поручик	87
Возвращение	90
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОТЕЧЕСТВО	93
ЭПОХА НАДЕЖДЫ СЕМЁНОВОЙ	101
УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ	117
БРАТЯ ЛУКОМСКИЕ	125
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОГУЛКА ПО ОРЛУ	133

Алексей Иванович Кондратенко

Свет далёких звёзд

Ответственный за выпуск *А.И. Лысенко*

Художник *А.Г. Костяников*

Технический редактор *Н.М. Крыжановская*

Корректор *А.А. Гудкова*

Издательство "Вешние воды". 302000, г. Орел, ул. С.-Щедрина, 1.
Подписано в печать 06.06.2011. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 9,25.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1200 экз. Заказ 254.

Отпечатано в ООО "Типография "Новое время".
г. Орел, ул. Итальянская, 23.